18+
Лора Себастьян
Очарованная призраками
ИСТОРИЯ, РАССКАЗАННАЯ ИНАЧЕ

История, рассказанная иначе

Лора Себастьян

Очарованная призраками

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4СВел)-44

Себастьян Л.

Очарованная призраками / Л. Себастьян — «Издательство АСТ», 2021 — (История, рассказанная иначе)

ISBN 978-5-17-149452-0

Все знают эту легенду. Об Артуре, которому суждено стать королем. О прекрасной Гвиневре, которая предаст его на пару с Ланселотом. О жестокой волшебнице Моргане, что станет их общим врагом. Знает об этом и Элейн – волшебница из Шалота, которая обречена видеть будущее. На мистическом острове Авалон Элейн наконец обретает свободу и узнает о древних пророчествах. О бесчисленных вероятностях будущего, почти каждая из которых трагична. Когда будущее настигает их, Элейн, Гвиневра, Ланселот и Моргана отправляются вместе с Артуром в Камелот, где магия под запретом, повсюду враги, а законы общества сковывают их по рукам и ногам. Но самая большая опасность скрывается среди друзей. Видения сбываются, неизбежная судьба подбирается все ближе, и Элейн решает, как далеко готова зайти, чтобы изменить ее. И чем готова пожертвовать.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4СВел)-44

ISBN 978-5-17-149452-0

© Себастьян Л., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

От автора 6
1 7
2 8
3 13
4 16
5 23
6 26
7 32
8 35
9 43
10 48
11 54
12 59
13 64
14 68
Конец ознакомительного фрагмента. 71

Лора Себастьян
Очарованная призраками

Laura Sebastian
Half Sick of Shadows

Copyright notice for HALF SICK OF SHADOWS shall read
© 2021 by Laura Sebastian
© Шабнова Е., перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Для юной меня, которая начала писать эту историю. И для взрослой меня, которая смогла понять, как ее закончить

От автора

В книге затрагиваются темы психического здоровья и суицида. Я уверена: без упоминания этих, без сомнения тяжелых, вещей история не вышла бы полной, и я постаралась подойти к их описанию как можно аккуратнее, черпая из собственного опыта, изучая вопрос и прислушиваясь к мнениям своих читателей. Тем не менее некоторые сцены могут быть неприятны или содержать триггеры для некоторых читателей.

Если вы или кто-то из ваших знакомых терзается темными мыслями или эмоциональными проблемами, прошу, позвоните на национальную линию предотвращения суицида или напишите на Кризисную текстовую линию, чтобы с вами поговорили[1]. Оба этих сервиса абсолютно бесплатны и работают круглосуточно, семь дней в неделю. Для глухих и слабослышащих предусмотрена Линия жизни по телефону.

[1] Информация актуальна для США. В России подобную помощь оказывает, например, «Центр экстренной психологической помощи МЧС России». – *Примечание редактора.*

1

Я всегда знала: я погибну в воде. Это было моим первым видением – до того даже, как я поняла, что вообще умею видеть. С тех пор я собрала их слишком много – и каждое помнила наизусть.

Большинство видений эфемерны, постоянно изменяются и ускользают от меня под другим светом, другими углами… Но видение, в котором я тону, всегда твердо и незыблемо. Так твердо, что оставляет на рассудке и душе синяки.

Кожей я чувствую ледяную воду. Она накрывает меня, словно шторм, раскидывает в стороны пряди моих волос, а потом затуманивает взор. И я не вижу ничего, лишь пытаюсь добраться до поверхности и вдохнуть. Я знаю, что до нее недалеко, но всегда замираю на месте и опускаюсь все ниже и ниже, пока стопы мои не касаются дна.

Глаза мои закрыты. Меня окутывает тьма. Легкие горят, горят, горят… я боюсь, что еще немного, и они взорвутся.

Воздух так близко, я могу просто оттолкнуться от дна… но я этого не сделаю. Попросту не захочу.

Я погибну в воде – через неделю, или год, или десять лет. И это будет мой выбор.

2

Здесь, у станка, меня накрывает покой: пальцы танцуют над шелковыми нитями, как над струнами лиры, и будущее расстилается передо мной стежок за стежком, возможность за возможностью. Такие знакомые движения, повторенные бесчисленное количество раз – каждое важно в своей простоте, – постепенно превращаются в гобелен, рассказывающий историю, и малое становится великим. Бесконечным.

Еще ребенком, живя в Шалоте, я научилась менять цвет нитей, чтобы картина вышла полной, застывшей во времени, но теперь я использую лишь белые. Магические нити блестят, подобно опалам, в свете полуденного солнца, попадающего в мою комнату сквозь огромное окно.

Снаружи о расшатанную скалу, на которой высится мой дом, бьются волны, коронованные жемчужной пеной. Они впиваются в берега Авалона с рокотом, который я слышу даже здесь, внутри, но это ничего. Их ритм успокаивает мой разум, делает его мягким, пустым и податливым – идеальным для магии, текущей во мне от пальцев до пят.

Не отрываю взгляда от нитей, смотрю, как они свиваются вместе, слушаю шум волн и гоню прочь все мысли, чтобы не осталось ничего, кроме меня самой, – ни Авалона, ни моих друзей, ни прошлого, ни изогнутых линий будущего, похожих на трещины на стекле. Только *я*. Только *здесь*.

Белизна ширится и изменяется, по ее блистающей поверхности словно пробегают тени. Нити под моими пальцами тихонько вибрируют и светятся. Что-то изменилось. Я чувствую это и в своем теле тоже: что-то неназываемое тянет меня за кожу, сверкает внутри головы, грозясь опрокинуть меня прямиком в то *видение,* которое для меня приготовило.

За последние десять лет у меня было немало видений – сотни, может быть даже тысячи, – но я все равно никак не могу привыкнуть к этому чувству: что на мгновение и мое тело, и мой разум перестают мне принадлежать.

Я выныриваю из видения на звук – кто-то стучит в дверь. Пальцы замирают над белым шелком нитей. Я снова становлюсь собой, и мир вокруг оглушает своей резкостью, яркостью… *реальностью*.

Поднимаю взгляд, даю ему время сфокусироваться и понимаю: он стоит за окном, костяшки пальцев все еще прижаты к стеклу, на полных губах – хитрая улыбка. В свете авалонского солнца его кожа кажется золотой.

– Ну же, Шалот. – Из-за разделяющего нас стекла его плохо слышно.

Он кивает в сторону пляжа, и его черные волосы блестят на солнце. За ним стоят еще трое – все явно хотят, чтобы я к ним присоединилась и провела день у моря, наслаждаясь солнцем и водой.

– Такой хороший день, а ты под крышей торчишь.

Каждый день на Авалоне – слишком хорош, чтобы проводить его в здании. Но у меня особо нет выбора.

Это я и хочу ответить, но изо рта выпадает:

– Дайте мне час.

Он щурится – в зелени его глаз я вижу, что он не поверил, – а потом пожимает плечами, отворачивается и как бы невзначай опускает руку на гарду висящего у бедра меча. Он возвращается к друзьям, и все машут мне в знак приветствия. Я отвечаю тем же.

«Ты тратишь слишком много сил, – выговаривает мне Нимуэ всякий раз, когда находит меня здесь по утрам, и я пытаюсь сфокусировать на ней расплывающийся взгляд. – Так провидцы и сходят с ума».

Но иногда мне кажется, что с ума я сойду, если надолго отойду от станка. Пророчества удерживают меня над бездной безумия.

Я провожаю друзей взглядом, и у меня перехватывает дыхание. Артур и Гвиневра держатся за руки. Я не вижу его лица, но знаю: оно пунцовое – рядом с Гвен иначе никак. Моргана склоняется к его уху и что-то шепчет, Артур тут же легонько пихает ее в плечо, и она смеется – иссиня-черные волосы закрывают всю ее спину. Ланселот качает головой, наблюдая за ними, а потом оглядывается и ловит мой взгляд.

– Один час, – повторяю я.

Он меня не слышит, но понимает по губам и кивает.

Какая-то часть меня жаждет кинуться за ними, прочь от станка – на время, на день, навсегда, пока он меня не разрушил. Но я не могу. Я возвращаюсь к плетению, подбираю нити. И, когда видение накрывает меня, я уже не могу остановиться: я ныряю в него с головой.

– Моргана, не делай этого, прошу.

Это не мой голос, но однажды он им станет. В нем будет столько отчаяния, столько страха… Где-то возведут эту комнату – из теней и кости, освещенную лишь парой свечей, которые давно превратились в восковые лужицы. В неясном свете зрачки Морганы будут казаться громадными: она, словно безумная, носится по комнате, смахивая с полок бутылочки, открывая их, принюхиваясь к содержимому и опрокидывая в бурлящий котел. Волосы будут развеваться позади нее грозовым облаком, неуложенные и дикие. Она с раздражением сдует мешающиеся пряди, но промолчит. И слова мне не скажет. Даже на меня не посмотрит.

По коже моей побегут мурашки, и я почувствую запах серы, поднимающийся от зелья. И пойму, что Моргана варит что-то опасное. Что-то смертельное.

– Моргана… – Голос меня подведет, но я все равно ее позову.

Моргана сделает вид, что не слышит меня. А потом я трону ее за плечо, и она отпрянет в сторону, но хотя бы поднимет на меня невидящий взгляд фиолетовых глаз.

Эта Моргана – совсем не та, которую я знаю сейчас, но она стала моим самым первым другом и была рядом с тех пор, как мне исполнилось тринадцать.

– Я этого не потерплю, Элейн. – Голос ее прозвучит спокойно и собранно, никак не увязываясь с хаосом вокруг, с бурей в ее глазах. – То, что сделал Артур…

Слова эти ничего для меня не значат. У меня еще нет этих воспоминаний. Никаких картинок, никаких мыслей. Я не знаю, что сделал – *сделает* – Артур, чтобы заслужить гнев Морганы. Должно быть, это будет поистине ужасно.

– Он поступил так, как считал нужным.

Эти слова мне знакомы – словно я повторяла их много раз. И я буду верить в то, что говорю. Всеми фибрами души.

Моргана сделает шаг назад и горько усмехнется.

– Выходит, ты считаешь Артура дураком, Элейн? Разве он не знал, как поступает? Что хуже… быть глупцом или бессердечным?

Ее взгляд прожжет меня – и я отвернусь, не в силах защитить Артура. Впервые в жизни.

– И кем же он был? – продолжит она, и это совсем не риторический вопрос – Моргана ждет от меня ответа. – Он по-глупому благороден или под его тихой образованностью скрывается настоящее вероломство?

– Артур любит тебя, – отвечу я, потому что больше сказать мне нечего.

Это единственная правда, в которой я уверена, но это не означает, что Моргана неправа. Оба этих факта неопровержимы, хоть и не могут сосуществовать.

Она усмехнется и отвернется, откупорит бутылочку, и оттуда в кипящий котел проскользнет змеиная тень. Она с визгом погибнет, эхо предсмертного крика повиснет между нами.

– А ты? – Я обрету голос и спрошу самое важное. – Он ведь твой брат, и я знаю, ты его любишь. Как ты могла даже подумать о том, чтобы сделать это?

Моргана снова попробует отвернуться, но я схвачу ее за руки и заставляю посмотреть мне в лицо.

– Тот мальчик, которого ты дразнила, когда начал ломаться его голос? Который краснеет всякий раз, как Гвен улыбнется ему? Который всегда вставал на твою сторону, когда каждый придворный во дворце хотел тебя изгнать? Или сделать что похуже? Если ты сделаешь это, Моргана, то назад дороги не будет. Этот самый момент являлся мне в видении, и я умоляю тебя не делать этого. Не разрушай то, что мы построили. Не позволяй нашим узам растаять.

И Моргана засомневается. Она посмотрит на меня, и я увижу в ней ту Моргану, которую всегда знала: словно свет, пробивающийся сквозь заколоченное окно.

Она откроет рот и…

Я возвращаюсь в настоящее, моргаю и опускаю взгляд на то, что соткала: на гобелене над котлом склонилась темноволосая женщина, а рядом с ней стоит светловолосая, скрестив руки и наблюдая за первой.

Так на все это смотреть куда легче, чем в видении. В нитях оно кажется далеким, и я могу представить, что это вовсе не мы с Морганой. Может, эти незнакомые мне женщины варят любовное зелье или лечебный отвар. Может, они говорят о погоде и посевах.

В самый первый раз это видение явилось ко мне во сне, до того как я научилась ткать. Оно было неясным и бессвязным, и я почти ничего не помнила, когда проснулась. Благодаря станку я могу сосредоточиться, и после у меня всегда остается картина: реальная и цельная.

– Опять отравление? – раздается позади меня.

Поворачиваюсь и вижу застывшую в дверях Нимуэ: ее серебряное платье контрастирует с темной кожей и плотно облегает фигуру, оставляя плечи открытыми.

Я живу здесь, на Авалоне, уже десять лет, но все еще не могу отделаться от мысли: надень она что-нибудь подобное в Камелоте, ее бы забили до смерти камнями. Но мы не в Камелоте, а Нимуэ – все-таки Дева Озера. И она может носить любые вещи.

Отхожу от станка, чтобы она смогла рассмотреть вытканную сцену получше, но в этом нет нужды. Она права: это видение повторяется раз за разом. Детали в нем всегда немного отличаются – что-то я вижу четче, а что-то нет. Отражение в воде, по которой идет рябь, – вот как назвала это Нимуэ во время моих первых уроков. Но форма остается неизменной. Более-менее.

– На этот раз от зелья пахло серой. – Я прикрываю глаза, чтобы поймать ускользающие от меня важные детали. – И она что-то добавила в него… змею? Что-то похожее.

Нимуэ молчит. В ярком свете моей комнаты отшлифованный серебряный обруч на ее безволосой голове сияет так ослепительно… Она будто бы обдумывает мои слова, вглядываясь

в полотно, и уголки ее рта опускаются. Нимуэ протягивает к нитям руку, и они вдруг снова начинают белеть: картина исчезает, словно ее никогда и не было. Оставлять подобные доказательства опасно. Если гобелен заметит Моргана, у нее появятся вопросы, на которые я не смогу ответить. К тому же о видениях стоит знать только мне и Нимуэ: эту сцену мы уже никогда не сможем выжечь из памяти.

Но в будущем я рассказала Моргане о том, что *видела*. По крайней мере, намекнула на это. И так происходит всегда, в каждом из вариантов.

– *Давралок*, – Нимуэ наконец подает голос. – Ты права, это яд. Один из самых смертельных – если его правильно приготовить.

Я качаю головой.

– В том и дело… То, как она варила это зелье… Я ведь видела ее за работой. Ты сама ее учила – она следует рецептам буква к букве. Но в этом раз она действовала небрежно, бросала ингредиенты горстями, иногда даже не вынимая из склянки, ничего не отмеряла… совсем на нее не похоже.

Нимуэ задумчиво хмыкает, а потом поднимает на меня взгляд.

– И чем все закончилось? – спрашивает она. – Все как обычно или…

Трясу головой.

– Как и всегда: мне показалось, что я достучалась до нее, что она передумала… не знаю, так ли будет на самом деле.

Нимуэ выдерживает паузу.

– Как думаешь, почему ты продолжаешь видеть именно это? Чаще, чем все остальное?

– Потому что это очень важно, – тут же отвечаю я.

Так она научила меня воспринимать повторяющиеся видения, когда я только прибыла на Авалон. Но теперь она просто пожимает плечами.

– Может, и так, но это лишь часть правды. Оно является к тебе потому, что выбор еще не сделан. Тот самый выбор, который определит будущее нашего мира. Один выбор. Одной девушки.

Я опускаю взгляд на пустое полотно – всего несколько мгновений назад там цвела фигурка Морганы.

– Я в нее верю, – утверждаю я.

– Тогда ты глупа, – отвечает Нимуэ, но голос ее мягок. – Провидцу не следует ни в кого верить. Люди лгут. Видения – нет. Пусть существует множество версий Морганы, которая никогда не сделает неправильного выбора, но есть одна, которая не станет колебаться.

Я хочу с ней поспорить, но есть ли в этом смысл? Все, что могла, я уже сказала.

– Ты зашла проверить, нет ли у меня для тебя чего-нибудь нового? – Я решаю сменить тему. – Тебе пришлось проделать такой путь, а мои видения уже несколько месяцев сосредоточены лишь на одном.

Нимуэ качает головой и тихонько вздыхает.

– Наш мир замер у обрыва, и будущее затаило дыхание. – Она начинает распускать нити на моем станке, не поднимая головы. – Три дня назад умер Утер Пендрагон.

До меня не сразу доходит смысл ее слов. И ответить получается тоже не сразу.

– Король Утер. Умер, – медленно повторяю я.

Я плохо его знала – в основном по слухам, и они рисовали не самую лучшую картину. Но он все же был отцом Артура, по нему это сильно ударит.

– Артур знает? – спрашиваю я.

Нимуэ качает головой.

– Еще нет. В совете пока не решили, как лучше поступить. И что делать дальше.

Одна мысль о том, как совет три дня спорит, сообщать ли сыну мертвеца об этом, заставляет меня вздрогнуть. Мне приходится напомнить себе еще раз, что совет состоит из фейри,

и для них три дня – не более чем один глоток воздуха, время, на которое и внимания-то не стоит обращать. Большинство их родителей умерло несколько веков назад, и они неспособны осознать всю силу, всю сложность родственных связей между людьми.

– И что теперь будет?

– Теперь Артур может претендовать на трон. – Нимуэ поднимает голову и смотрит прямо на меня. – И законность этого уже подверглась сомнению – теми, кто может воссесть на этот трон и погрузить мир во тьму. Теперь ему придется покинуть Авалон – и вам вместе с ним.

Мне стоило этого ожидать, но слова ее все равно ощущаются как пощечина. *Покинуть Авалон.* Здесь ко мне являлись пророчества, здесь я видела и трагедии, и потери, и безнадежность, которые принесет будущее. И оно всегда казалось таким далеким. Настолько далеким, что это были проблемы другой Элейн, в существование которой я даже поверить толком не могла. Но вот пришел час, когда нам придется вернуться в мир, который я знаю лишь по видениям и нечетким воспоминаниям.

– Не слишком ли рано? – Я качаю головой. – Мы так мало знаем…

– Ты никогда не узнаешь *достаточно,* Элейн. – Голос Нимуэ все еще спокоен, но в выражении ее лица появилась какая-то напряженность. – Единственно верный путь узнать больше – это действовать. И пока вы на этом острове, вы этого сделать не сможете.

– Но здесь мы в безопасности, – замечаю я. – Все мы.

– Так будет и впредь. – В ее голосе проскальзывает грусть. – Но вас растили не для этого. Вы должны стать героями.

Нимуэ уходит, и я сажусь за станок, но не касаюсь нитей. Вместо этого я складываю руки на коленях. Моргана как-то назвала меня скромницей, которая боится заговорить даже со своей тенью при свете дня. Девушкой, которая готова терпеть всю мировую несправедливость. Девочкой, которая исполняет волю своей матери без лишних вопросов.

Она не ошиблась, но… я выросла. Я больше не та девушка. И все же…

Все же я страшусь момента, когда войду в ворота Камелота. Не только из-за видений и темного будущего, нависшего над всеми, кого я люблю, но и потому, что я оставила ту девицу, камелотскую Элейн, там. И если вернусь я, то, может, вернется и она.

3

Мне часто приходилось напоминать себе о том, за что я люблю мать.

В детстве я составляла списки – мысленно, про себя, – когда она произносила что-то особенно жестокое. Они были лекарством против ран, которые наносили ее слова. Но этого лекарства не хватало надолго.

– Элейн, ты совсем меня не слушаешь, – произнесла она в тот день, который все изменил.

Мы завтракали вместе – как и в дни до этого – в серой каменной башне с одним-единственным окном, которое почти не пропускало свет. Все вокруг казалось почти призрачным и монотонным.

Когда я вошла в Камелот впервые – мне было восемь, – он поразил меня шумом, яркостью и толпами людей. Наша серая башня словно стояла совсем в другом мире. Могло пройти несколько дней, а то и недель, прежде чем к нам заходил кто-то, кроме нашей немногочисленной прислуги. Но слово *«одиночество»* совсем не подходило ситуации. Когда ты ничего не успел повидать, подобная изоляция может показаться обыденностью.

– Прошу прощения, мама, – ответила я ей тем утром, уткнувшись в тарелку.

Чаще всего мы ели сухари и масло, ведь желудок матери не выдерживал ничего с более насыщенным вкусом. Она настояла на том, чтобы я съела только половину сухаря – а то вдруг не влезу в платье, которое приготовили для банкета в конце недели. Желудок мой открыто протестовал, но я давно уяснила: лучше мириться с этим, чем с последствиями протестов против подобного отношения.

Мать посмотрела на меня. Глаза ее были такими серыми и бледными, что при определенном освещении казалось, будто у них и вовсе нет радужек.

– Ты заболела? – спросила она.

Я покачала головой.

– Просто плохо спала. Кошмары.

Она вздохнула.

– Что ж, – и ее слова впечатались в меня с силой тысячи камней, – если бы ты не забывала принимать свое лекарство, то сны бы тебя не беспокоили.

Я любила мать, потому что она сама любила меня больше всего в этом мире.

И на какое-то мгновение я подумала: может, стоит возразить. Заверить, что я не забыла про лекарство. Не забыла бы, даже если бы захотела: оно каждый вечер текло по моему горлу, вязкое и неприятное, словно смола, и вкус его оставался со мной до самого утра. И я все равно принимала его, потому что должна была. Но правда сделала бы все только хуже, поэтому я не стала поднимать голову и открывать рот, а продолжила смотреть на крошки в тарелке. Мне так хотелось слизнуть их, но мама вряд ли отнеслась бы к этому с пониманием. Лучше уж я промучаюсь голодом до обеда.

– Не могу даже выразить, насколько это важно, – продолжила она. – Нельзя допустить, чтобы *это* произошло снова. Люди до сих пор судачат о том твоем представлении.

Я плохо помнила тот день, но от слова «представление» все равно вздрогнула. Мне хотелось объяснить, что это не моя вина, но ругаться с матерью – как пинать булыжник. Она не сдвинется с места, а пострадаю я. Оно того не стоило.

– Я постараюсь не забывать об этом, мама, – пообещала я.

Я любила свою мать, потому что, когда мы жили в Шалоте, мы плавали на лодке по реке и она учила меня плести венки. Но теперь она уже несколько лет не выходит из башни. Она говорила, будто от камелотского воздуха у нее кружится голова. И от разговоров с незнакомцами тоже, и от музыки… даже от птичьего пения. Из-за еды у нее болел живот. Солнечный свет резал глаза даже в облачные дни. И потому она вечно сидела в башне: слишком долго спала и думала о моем будущем, а больше ничем особо и не занималась. Она называла меня своими глазами и ушами, но я подозревала: где-то у нее были и запасные пары, которые следили за тем, чего я узнать не могла.

– Как там Моргауза? – Голос матери вытащил меня из омута мыслей.

Заслышав это имя, я попыталась спрятать лицо за чашкой, но не успела. Мама неодобрительно цокнула языком и покачала головой.

Я любила свою мать, потому что когда-то она одним прикосновением заставляла меня почувствовать себя в безопасности.

– Хватит, Элейн. Она ведь принцесса. Лучшей подруги тебе не найти. Может, узнаешь, когда ее братец наконец вернется к нам с Авалона?

Сейчас это кажется глупым, но тогда я представляла Артура сказочным принцем – высоким, золотоволосым, с широкими плечами и суровым подбородком. Таким идеальным, что его утащили фейри, когда он едва научился ходить, – из-за мирного договора между его отцом, королем Утером, и авалонскими фейри, желавшими положить конец Войне фейри, что отравляла Альбион вот уже половину столетия.

Согласно указу, Артур собирался вернуться в Камелот в день своего восемнадцатилетия, но ходили также слухи, что его и вовсе не существует, и на самом деле у Утера нет законного наследника. Моргауза была дочерью второй жены Утера и на трон претендовать не могла.

Мать тяжко вздохнула.

– Может, Моргаузе известно больше. И ты тоже могла бы об этом узнать, если бы была к ней добрее.

Я любила мать, потому что она не читала стихи, а пела их.

– Я и так к ней добра, – ответила я, хоть и не знала точно, насколько это правда.

Я пыталась, тут я не соврала, но Моргауза всегда отвечала на доброту жестокостью. Может, я делала что-то не так?

– Что ж, – мама выдавила из себя нервную улыбку, – может, Артур вернется на ее день рождения.

Но принц Артур не вернулся даже на похороны матери, так что ожидать его на дне рождения сводной сестры было бы глупо.

– Но выглядеть ты должна просто идеально, на всякий случай. – Мама задержала взгляд на моем лице, тонких светлых волосах, болезненного цвета коже, а затем – на коротких рукавах, которые впивались в кожу.

«Зачем тебе новые платья? – спросила она, когда я заметила, что это мне мало́. – Можешь и перешить, если так неудобно».

Я любила свою мать, потому что от нее пахло корицей.

Я не стала спорить. Она всегда добивалась своего, поэтому вопрос был только в том, что потеряю я, если буду перечить.

– Может, тебе стоит говорить поменьше, – задумчиво протянула она, а потом откинулась на стул и обвела меня оценивающим взглядом – так, словно не видела несколько месяцев. – Это добавит тебе загадочности.

– Я и так говорю немного.

Я не стала добавлять, что аура загадочности мне уже не светит: все знали меня как девочку, которая с криками бегала по коридорам в три утра босиком, проснувшись от кош-

мара, казавшегося слишком реальным. Но это мама со мной не обсуждала, хоть я и пыталась начать разговор.

– Существует множество видов молчания, дорогая, – произнесла она. – Есть молчание таинственное, а есть… ну, странное. Как уж там тебя называет Моргауза?

Я любила свою мать, потому что она называла меня Маленькой Лилией.

– Безумная Элейн, – прошептала я и сжала кулаки под скатертью, сосредоточившись на том, как впиваются ногти в кожу.

Было больно, но не так больно, как от материнских слов.

Она усмехнулась.

– Дорогая, не стоит так реагировать. Она ведь просто шутит.

Полагаю, знать прозвище, которым тебя называли за спиной, и в самом деле забавно. Но ведь мне это говорили в лицо.

Я любила свою мать, потому что она не верила в существование злых людей – даже таких, как Моргауза. Хоть я и пыталась доказать обратное. Мама игнорировала и синяки от ее щипков, и мои слезы из-за жестоких слов, и каждое ужасное прозвище, которым Моргауза меня награждала… Потому что «так и ведут себя девочки в нашем возрасте».

Я любила свою мать, потому что больше у меня никого не было – и потому что я верила, будто только она во всем мире могла любить меня в ответ.

Но моя мать не встретит меня в Камелоте, когда я туда вернусь. Хотя ее призрак… ее призрак навсегда останется со мной.

4

Было время, когда я завидовала одиночеству матери.

Она могла оставаться в башне дни напролет – и так и делала. Я же этого выбора была лишена.

В день, когда все изменилось, меня заставили познакомиться с другими девочками моего возраста – мы должны были вместе работать над гобеленом на день рождения принца Артура. Этой чести удостоились дочери подходящих семей. Когда принц вернется – если вернется вообще – на свое восемнадцатилетие, он получит гобелен, сотканный руками претенденток на роль его жены.

До чего странный, древний обычай. Я не особо понимала, в чем смысл. В то время Артуру было лет тринадцать, но он уже до безумия влюбился в Гвиневру. И никакой гобелен бы этого изменить не смог.

Для работы нам выделили один из менее обставленных залов в восточном крыле: мягкую фиолетовую мебель отодвинули к стене, чтобы освободить место для огромного стола, восьми стульев и парчовых штор, которые защищали нашу нежную кожу от полуденного солнца. Нас окружили рядами больших белых свечей, которые плакали воском, даря нам свет. Его, конечно, не хватало, мне приходилось щуриться, и я постоянно слышала эхо маминого указания: «Не щурься, не то морщинки появятся».

Гобелен лежал на столе: с центральной его частью мы уже закончили, а края лишь отметили мелом, чтобы знать, куда стремиться. Картина понемногу обретала сюжет: на ней рыцарь в шлеме ехал на единороге. Полагаю, рыцарем этим был принц Артур.

В тот день я пришла в зал первой и протянула руку, чтобы потрогать уже сделанную часть гобелена: она казалась такой маленькой, а мы ведь потратили на нее целых полгода. Пройдет еще год, прежде чем мы закончим. А может, и все два.

– Глупо, не правда ли? – произнес кто-то позади меня, и я вздрогнула.

Обернулась и увидела Моргаузу: она стояла, оперевшись на косяк и скрестив руки на груди, с поджатыми губами и пронзающим меня взглядом.

Моргауза, по сути, не была принцессой – она ведь дочь королевы от первого брака, – но держалась по-королевски. Так, словно всерьез считала, будто весь воздух принадлежит ей одной, а мы дышим им лишь потому, что она позволяет.

Она прекрасна, но жестока. Кожа ее сияла бронзой, вьющиеся волосы струились тьмой, нос был орлиным, а широкий рот алел, словно кровь. В тот день мне показалось, что она выглядит дикой: кудри ее лежали в беспорядке, на щеках виднелись веснушки. Обычно Моргауза не оставалась на солнце слишком долго: на улице за ней постоянно ходили как минимум три слуги с зонтами.

Платье ее тоже показалось мне тогда странным: объемная юбка и рукава-колокольчики были в моде, но сшили его из темно-синего шелка. Слишком темный цвет, слишком легкая ткань для дам при дворе. Я не могла сказать наверняка, но, кажется, корсета на ней тоже не было.

– Не знаю, о чем ты, – ответила я и сделала шаг назад.

Сердце забилось быстрее.

Однажды в детстве я встретила в лесу у отцовского замка оленя; на мгновение мы оба замерли, уставившись друг на друга, а потом он шевельнул ушами и убежал. Олень боялся меня. Точно так же, как я боялась Моргаузу. Разница была лишь в том, что я не хотела причинить ему вреда. А Моргауза не сказала мне ни одного ласкового слова, и я знала: сейчас она тоже готовила для меня западню.

– Получается вроде бы сносно.

Я огляделась, но комната была пустой. Неужели ее друзья ждали за дверью сигнала? Моргауза редко приходила сюда, чтобы помочь – выйти замуж за своего брата она не могла, – но, может, ей просто стало скучно?

– Артура этот подарок… позабавит, – усмехнулась Моргауза, а потом перевела взгляд на меня и нахмурилась. – Кто ты?

Моргауза обращалась со мной жестоко, но такого она еще не вытворяла. В голове пронеслась мысль: а не подыграть ли ей? Но для игр настроения не было.

– Я хочу поскорее с этим закончить и уйти домой, Моргауза. Можешь хотя бы на день оставить меня в покое? – Я надеялась, что произнесу это с достоинством, но я запищала, словно мышь.

Она рассмеялась, но совсем не тем безразличным смехом, который я привыкла слышать от круга ее сплетничающих подружек, а открыто, гортанно и так громко, что ей пришлось запрокинуть голову.

– Я не Моргауза, – произнесла она, успокоившись, с улыбкой на губах. – Я ее сестра.

И как только она в этом призналась, я начала подмечать небольшие различия: веснушки, конечно, и фиолетовый оттенок глаз. Но близняшка Моргаузы перестала появляться при дворе задолго до того, как я приехала в Камелот, и говорили о ней редко, с жаром перешептываясь, а чаще молчали вовсе. Ходили слухи, что король Утер изгнал ее в монастырь за плохое поведение, но ей ведь было тогда шесть лет… Другие настаивали, будто ее выдали замуж за семидесятилетнего короля из-за морей. Просочился даже шепоток, словно ее умертвили за использование магии фейри.

И какими бы жестокими ни были эти слухи, я никогда не слышала от Моргаузы и слова в защиту сестры

– Ты мне не веришь? – спросила девчонка – кем бы они ни была, – не дождавшись ответа. – Дева, Мать и Старуха, моя сестра, похоже, выросла настоящим кошмаром. Сколько тебе лет?

Дева, Мать и Старуха. Я не знала этого выражения тогда, но со временем оно станет мне знакомым, и я начну употреблять его в разных контекстах: когда ударюсь мизинцем, когда голова закружится от поцелуя, когда меня посетит особенно невыносимое видение. В тот день я подумала, что так могли бы выражаться фейри. И пусть отец Моргаузы, лорд Горлуа, бился в Войне фейри не на стороне Утера, сама Моргауза ненавидела их – как и все при дворе. Она бы никогда не позволила подобному выражению скатиться с губ. Моргауза сказала бы: «Господи». Или «О небо». И в голосе ее сквозил бы яд.

– Тринадцать, – осторожно ответила я.

– И когда ты прибыла ко двору?

– Почти пять лет назад.

– А, тогда все понятно. – Она поправила свою одежду и подтвердила мои подозрения: судя по тому, как шелк облегал ее талию, корсета на ней не было.

Я отвела взгляд, хотя ее это, похоже, совсем не волновало.

– Я уехала за пару лет до этого, понятно, почему мы не встречались… но как-то даже жаль, что моя репутация не бежит впереди меня.

– Тебя в самом деле сослали в монастырь? – спросила я, прежде чем успела прикусить язык.

Девочка приподняла бровь.

– В монастырь? – повторила она и рассмеялась так, как леди бы себе никогда не позволила. – Да я лучше умру. Кто тебе такое рассказал?

Я пожала плечами, чувствуя, как пылают щеки.

– Так говорят, когда вспоминают о тебе. И это не самое плохое.

– Поверь, в монастыре я не была никогда, – возмутилась она. – Пусть уж говорят что похуже.

– А где же ты тогда была? – поинтересовалась я.

Пусть в Камелоте и было просторно, но он давил на меня со всех сторон, и я изголодалась по чему-то новому, пусть даже с чужих слов.

Она хитро улыбнулась.

– На Авалоне, – произнесла она так, словно сообщала об отдыхе где-то на юге.

Я же своего удивления сдержать не смогла.

– Вернулась я сюда только на свой день рождения, – поспешно добавила она, а потом запнулась. – То есть на *наш* день рождения. Мой и Моргаузы. На самом деле Утер предпочел бы увидеть здесь Артура. Я всего лишь… компромисс. Но ты не ответила на мой вопрос.

– Разве?

– Кто ты?

– Ой. Элейн, – представилась я, а потом спо-хватилась и присела в неглубоком реверансе. Я поднялась, покачиваясь.

В голове снова раздался голос матери: *«Спину прямо, держи голову, изящней!»* Но тело мое не особо ее слушалось.

– Очень неплохо, – заметила девушка.

И пусть она не казалась искренней, но и не смеялась надо мной. Она смеялась *вместе* со мной, словно мы вспомнили нашу давнюю штуку. И я улыбнулась, хоть и, кажется, не особо эту шутку и поняла.

Она тоже присела в поклоне, низком, но в то же время быстром. Как ей это удалось? Она ведь даже не покачнулась!

– Меня зовут Моргана. – Она поднялась. – Значит, Моргауза причиняет тебе беспокойство? Она всегда такой была.

Я нахмурилась. Конечно, с жестокостью Моргаузы я была знакома не понаслышке, но Моргана ведь совсем на меня не походила. Не походила на ту, кого так легко вывести из равновесия.

– Какой «такой»? – выпало из моего рта.

Моргана заколебалась, а потом на ее лице промелькнуло темное выражение. Промелькнуло так быстро, словно его и вовсе не было.

– Когда мы были детьми, она запирала меня в шкафах, где я и сидела, пока меня не находила няня. Иногда я часами плакала в темноте. Мне было ужасно страшно. – Она развернулась так, чтобы я увидела толстый шрам, пробегающий по всей ее ладони, от основания до конца мизинца, и провела по нему пальцем. – Когда нам было по шесть, она разозлилась из-за того, что я съела последний кусок пирога с корицей, дождалась, когда мы будем в поле одни, взяла острый камень и ударила.

Моргана сжала ладонь.

– Она до жути меня пугала.

– Меня она тоже пугает, – отозвалась я.

Моргана замялась.

– Тебе стоит понять: Моргауза не любит людей, которых считает *другими*. Меня она ненавидела именно за это.

– Ненавидела?

Она пожала плечами.

– За время вдали отсюда я поняла, что Моргауза ненавидела меня из страха. И теперь я решила: пусть уж лучше она боится меня. Так для ненависти у нее просто не хватит времени.

– И почему же ей стоит тебя бояться?

Моргауза была ужасной, но Моргана… что-то я разглядела в ней, еще не узнав ее имя и не увидев ее шрам. Мне было не по себе, это так, но я не боялась. Уж точно не так, как Моргаузу.

Моргана ответила не сразу. Взгляд ее задержался на гобелене, и она задумчиво склонила голову к плечу.

– Тебе нравится этот гобелен?

Я посмотрела на работу, в которую вкладывалась последний месяц, и поняла, что ничуть она мне не нравилась. Да, сделано было неплохо, но, когда я смотрела на гобелен, я видела часы плетения и весело щебечущих вокруг меня девочек. Для меня он отражал одиночество.

– Его делают не для меня, а для принца Артура, – уклончиво ответила я.

Это был ожидаемый ответ. Правильный. Но Моргана только рассмеялась.

– Артур в ужас придет, когда увидит его, – саркастично заметила она. – Если хочешь привлечь его внимание, лучше подарить ему книгу или древний свиток. Ты ведь знаешь, что единорог символизирует женскую невинность?

– Добродетель, – поправила я.

Моргана фыркнула.

– Ну да, *добродетель* лучше звучит в повсе-дневном разговоре. Этим словом прикрываются породистые мужчины, словно на самом деле им нет дела до того, что там творится у девушки между ног. Не хотелось бы рушить твои иллюзии, но всем плевать на то, насколько чистое у тебя сердце. Им важно, насколько чистое у тебя тело, поэтому «женская невинность» звучит честнее.

Она не стала ждать моего ответа, подошла к столу и провела пальцами по стежкам.

– И… если единорог – это невинность, то что же мы можем сказать про этого доблестного молодого рыцаря – полагаю, это Артур, хотя тот ростом поменьше будет, – который едет верхом?

Смысл сказанного дошел до меня не сразу, но потом по коже побежали мурашки, а шея и щеки вспыхнули. Я снова оглядела комнату, чтобы удостовериться: никто не услышал этих похабных намеков.

– Ты хотя бы не настолько наивна, сразу поняла, о чем я, – засмеялась Моргана, но на меня так и не посмотрела – все ее внимание было приковано к гобелену.

Она кружила вокруг него, как хищник вокруг добычи.

Я проследила за ее взглядом и увидела, как от рога единорога поднимается тонкая струйка дыма. Поначалу я подумала, что мне показалось – здесь ведь было не так уж светло. Но дым становился все гуще, и…

Я хорошо помню момент, когда поняла, что происходит: передо мной словно расступился туман. Моргана *колдовала.*

И как только я это осознала, то сразу же почувствовала в воздухе магию – еле различимые ароматы, который в последующие годы я буду ассоциировать именно с Морганой. Жасмин и свеженарезанные апельсины.

Я учую эти ароматы, когда Моргана сварит зелье, которое поможет Гвиневре сосредоточиться; когда починит любимую книгу Артура, зачитанную до дыр; когда собьет спесь со слишком загордившегося Ланселота прямо посреди поединка. И в будущем он тоже будет со мной – когда Моргана приготовит яд для Артура и в бесчисленные вечера после.

Раздался хлопок, и над гобеленом взвилось пламя. Я подпрыгнула и завизжала, повернулась к Моргане – та спокойно смотрела на огонь, пока он разрастался и поглощал единорожью голову.

– Ты… – начала было я, но не смогла найти подходящих слов.

Магию запретили в Альбионе с тех пор, как закончилась Война фейри. Я тогда еще была совсем ребенком.

Я, конечно, слышала, как о ней шептались, будто даже разговоры могли привести людей на плаху, но сама никогда не видела магию в деле. Единственным человеком, которому в этой стране позволяли колдовать, был Мерлин, королевский волшебник. И его сила служила только Камелоту и миру – для трюкачества она не годилась.

Однако Моргана призвала огонь так легко, словно просто сделала вдох. Словно магия и пламя были частью ее самой – частью, от которой нельзя отмахнуться. Словно это маленькое представление не могло привести ее к смерти – казалось, что она умрет, если *не будет колдовать.*

– Пожалуй, тебе пора домой, Элейн. – Слова Морганы вывели меня из ступора. – Похоже, ваше маленькое швейное собрание на сегодня отменяется, и лучше тебе здесь не задерживаться, пока огонь ползет себе дальше. Ведь так?

К вечеру все только и говорили, что о Моргане.

Я вышла на прогулку по замку, чтобы размять ноги, и ее имя преследовало меня повсюду: люди обсуждали ее тем же тоном, каким говорили о заполонивших улицы крысах или о чуме, разгоравшейся за городом каждые несколько лет.

– Слышала, что ее видели в восточном крыле за миг до того, как комната загорелась, – шептала графиня Ланкастера своему мужу, кривя губы.

– Говорят, она и монастырь подожгла, – бормотал граф Бернсвика своему компаньону, лорду Ньюкаслу. – Так она и сбежала.

– Настоятельницу нашли с ножом в сердце, – ответил тот, и глаза его засияли. – Конечно, никто не в силах доказать причастность ко всему этому леди Морганы, но…

– А я слышала, что она расправилась с принцем Артуром, – поделилась девочка младше меня, дочь лорда, имя которой вылетело у меня из головы. – Она хочет сесть на трон… как будто ей это удастся.

Этот слух, похоже, переходил какую-то грань, потому что ее старшая сестра тут же ущипнула ее, и она вскрикнула от боли.

– Льюэлла, не выдумывай! – рявкнула девушка. – Если бы она убила принца Артура, разве король позволил бы ей приехать?

Льюэлла потерла руку и подняла на сестру сердитый взгляд.

– Конечно, позволил бы, если б не хотел, чтобы все об этом узнали, – объяснила она.

– Тише, не то матери все расскажу.

Слухи становились все невероятнее, изображая Моргану чудовищем в платье без корсета, а я не могла забыть ту Моргану, с которой познакомилась, – яростную и пугающую, да, но при этом обычную девчонку. Тогда я задавалась вопросом, почему все относятся к той, о ком ничего не знают, с гневом и злобой. Но теперь я знаю: для жителей Камелота не было ничего более пугающего, чем девочка, которая отказывалась играть по правилам.

Я завернула за угол, к башне, на ужин с матерью, и чуть не врезалась в пару, шедшую рука об руку.

Мальчика я не знала, хотя позже его лицо явится ко мне в кошмарах – как в видениях, так и в тех, которые никогда не сбудутся. Он был высоким, с угловатым лицом и крючковатым носом, очень короткими светлыми волосами и серыми блестящими сталью глазами. Когда

наши взгляды встретились, меня пробрало дрожью, и я долго не могла от нее избавиться. Он так меня огорошил, что я не сразу обратила внимание на девочку, шедшую рядом с ним.

На этот раз я легко узнала Моргаузу: только она так кривила губы, только она держалась так гордо, словно на макушке у нее красовалась тяжелая корона.

– Безумная Элейн, – промурлыкала она угрожающе.

Впрочем, все, что говорила Моргауза, звучало для меня как угроза.

– Леди Моргауза, – отозвалась я, стараясь обойти их, но Моргауза преградила мне путь.

– Какая удача! – произнесла она. – Мы как раз говорили о тебе.

То, что считала удачей Моргауза, не было таковым для меня. Но я выдавила из себя улыбку и замерла в ожидании неизбежной атаки.

– Правда?

Моргауза кинула взгляд на своего спутника, а потом вновь сосредоточилась на мне.

– Говорят, ты была в восточном крыле, когда моя сестрица устроила там пожар, – проговорила она, осторожно подбирая слова. – Более того, тебя видели выбегающей из комнаты, откуда повалил дым.

Я выдавила из себя смешок, но он прозвучал неубедительно даже для моих ушей.

– Мне ничего об этом не известно, – ответила я. – Я как раз направлялась туда, когда мне сообщили о пожаре. Даже не успела добраться до восточного крыла.

Я весь день практиковала эту отговорку про себя, но прозвучала она так себе.

– Ты не умеешь врать. – Лицо Моргаузы смягчилось, и она улыбнулась.

Я тысячу раз видела ее жестокие усмешки, ее клыки, ее ухмылки… но такой улыбки – никогда. На первый взгляд она казалась почти… сочувственной.

– Моргана – ужасное создание, не правда ли? – пробормотала Моргауза. – Я не виню тебя в том, что ты испугалась. Но если расскажешь нам о случившемся, мы проследим, чтобы она получила по заслугам.

По заслугам. Да, конечно, пожар был преступлением, но то, с каким весом Моргауза это произнесла… Она знала о магии Морганы. И желала своей сестре смерти.

Меня пробрала дрожь.

И мне захотелось все ей рассказать. Очень захотелось, но я не могла в этом признаться. Я бы поступила верно, разве не так? Я рассказала бы правду. Магию запретили не просто так. Она была опасна. *Моргана* была опасна. И законы, по которым мы жили, говорили, что преступление ее должно караться смертью. Разве я могла им противоречить? И если я расскажу все как есть, может, Моргауза смягчится? Станет менее жестокой?

Но Моргана отнеслась ко мне по-доброму, хотя у нее не было на это причин. Пусть она виновна в колдовстве, в использовании магии фейри, но разве она заслуживала смерти? Если так, то смерти заслуживала и я. И я не могла отдать Моргану на растерзание Моргаузы ради пары добрых слов, которые казались мне ловушкой.

– Не знаю, о чем ты, Моргауза. – Я с трудом подняла на нее взгляд, готовая поникнуть перед ней, как жаждущий влаги папоротник.

Я представила, как Моргана говорит со своей сестрой. Мгновение Моргауза просто смотрела на меня, сощурившись и скривив рот. А потом она отвела взгляд и повернулась к своему спутнику.

– Я ведь говорила, что она сумасшедшая, Мордред, – вздохнула она. – Но *кто-то* ведь должен был все увидеть.

Тогда я впервые услышала это имя. Мордред.

Позже я узнаю, что он был бастардом короля и жаждал власти даже больше, чем Моргауза. Узнаю, что в юности он пытался создать себе положение при дворе, обещал всем вещи, которые совсем не имел права обещать, искал союзников среди тех, кто его не презирал. Позже я научусь его бояться. Увижу разрушения на его пути и угрозу, которую он представляет не

только для меня, но и для дорогих мне людей. Но в тот день я лишь опасливо его осмотрела – как и любого, с кем дружила Моргауза. Он тоже наградил меня оценивающим взглядом.

– Может, и так, – медленно проговорил он. – Как бы то ни было, совсем скоро ее здесь не будет.

Они прошли дальше, оставив меня одну, но слова Мордреда продолжали звучать в моей голове.

«Совсем скоро ее здесь не будет».

Это тоже было правдой, Моргана сама так сказала. Она приехала в Камелот всего на несколько дней и скоро отправится назад. Она даже *хотела* поскорее уехать. Но то, как Мордред это произнес… походило на угрозу. И я не могла перестать об этом думать.

5

Моргане смириться с новостями сложнее всего.

Нимуэ собрала всех нас после ужина, чтобы их сообщить. Даже Артур, у которого умер отец, не устраивает сцены. Но Моргана не скорбит по Утеру – она о нем и не думает. Моргана скорбит по Авалону, единственному месту, которое она может назвать домом. Когда-то она призналась мне в том, что не покинет этот остров, даже когда ее тело остынет.

– Я не поеду, – сообщает она Нимуэ, и в ее фиолетовых глазах плещется решимость.

Ей уже почти двадцать пять, но сейчас она походит на ребенка, который вот-вот закатит истерику. Под слоем напускной храбрости скрывается страх. Это я понимаю как никто.

Потому что я помню, как с ней обращались в Камелоте: ее ненавидели, потому что она казалась странной. Тогда я думала, что она не обращала внимания на шепотки и косые взгляды, на людей, обходивших ее стороной, словно даже воздух вокруг нее был смертельным. Но тогда я просто не умела ее читать.

– Авалон – мой дом, – продолжает она, каждое слово – сталь. – Дева, Мать и Старуха указали мне путь, и я имею право здесь находиться. Такое же, как и все остальные.

На Нимуэ эта вспышка впечатления не произвела. Полагаю, она уже успела к ним привыкнуть: она ведь знала Моргану – знала всех нас – с тех пор, как мы были детьми.

Даже если бы Нимуэ не обладала даром предвидения, вряд ли кто-то из нас мог ее удивить. Вспоминаю свою мать: она воспитывала меня тринадцать лет, но все остальные жили с Нимуэ с самого детства. Для них она и была матерью.

– Пока Дева, Мать и Старуха не решат спуститься к нам, мне, как Леди Озера, положено излагать их волю по своему разумению, – спокойно напоминает Нимуэ, устало потирая виски и откидываясь в кресле. – Думаю, чай поможет тебе успокоиться.

– Не хочу я никакой *чай!* – рявкает Моргана. – Я требую *объяснений!*

Глаза Нимуэ на долю секунды останавливаются на мне, а потом взгляд ее сосредотачивается на Моргане.

– Я объяснила уже дважды, но хорошо, – она вздыхает. – Артур теперь король.

Нимуэ кивает в его сторону: Артур замер рядом с Гвиневрой. Он не произнес ни слова с тех пор, как ему сообщили о смерти отца. Сейчас он совсем не похож на короля. Он выглядит мальчишкой, под ногами которого разверзлась земля. Мальчишкой, который больше ни в чем не уверен. Ему двадцать три – он давно уже вырос, он не самый молодой король Камелота. Но для меня он навсегда останется мальчишкой, которого я встретила полжизни назад.

Гвиневра держит его за руку: она редко проявляет внимание таким образом, и это подчеркивает всю серьезность происходящего. Не сомневаюсь, она сделала бы это для любого из нас, но в их с Артуром отношениях много подводных течений: в том смысле, что они будто стоят одной ногой в этом мире, а второй – в их собственном. Созданном только для них.

Нимуэ продолжает:

– Он вернется в Камелот, чтобы занять трон, и будет править. И всем вам нужно отправиться с ним.

Я не отрываю взгляда от Артура, пока Нимуэ расписывает его будущее. Будущее, о котором он всегда знал. Выражение лица его почти не меняется, но я знаю его достаточно хорошо, чтобы заметить проблеск неуверенности в янтарных глазах.

Хороший знак. Значит, Артур понимает, какая ответственность ложится на его плечи. Корона для него – не просто слова.

– Зачем? – голос Морганы дрожит.

Я перевожу взгляд на нее: на ее лице неуверенности нет, только гнев и страх. Они – сводные брат и сестра, но нет в мире двух более непохожих людей. Артур бледен, волосы у него цвета красного дерева, плечи широкие, а руки и ноги длинные и все еще по-юношески угловатые. Моргана же гибкая и изящная, с темными, словно безлунная ночь, волосами и кожей цвета бронзы. Общего у них – только улыбки. И веснушки на щеках и носах.

– Я могу остаться здесь и помогать ему издалека. Здесь от меня будет больше толка, чем при дворе, – продолжает Моргана.

Я не могу произнести этого вслух, но тут я с Морганой согласна. Особенно с учетом моих видений и того, что нам с Нимуэ известно об ее отношениях с Артуром. Все начнется с них. И станет только хуже. Почему Нимуэ так настаивает? Моргана могла бы остаться здесь, подальше от бед, и была бы счастлива. Но я не настолько глупа: Нимуэ наверняка не сообщает мне обо всем, что знает. Я тоже часть этой паутины, моя судьба переплетена с их судьбами, и у Нимуэ есть свои причины молчать. Я тоже не рассказываю ей обо всех своих видениях.

И это опасно – знать о том, что ждет тебя в будущем. Нимуэ рассказывала мне, как провидцы сходили с ума. Как застревали между настоящим и будущим, не в силах сделать шаг ни вперед, ни назад.

– Дева, Мать и Старуха согласились бы со мной, – спокойно произносит Нимуэ.

– О, так они тебе и сказали, правда? – рявкает Моргана.

Нимуэ поворачивается к Гвиневре и Артуру.

– Что-то вы притихли. Мы обсуждаем и ваше будущее тоже. Неужели вас ничто не беспокоит?

Артур слишком сильно погружен в свои мысли, но Гвен поднимает на Нимуэ свои печальные зеленые глаза.

– Я смогу заехать домой? – спрашивает она.

Она прожила большую часть жизни на Авалоне, но акцент у нее все еще лионесский: она делает резкие ударения на гласных, а согласные проговаривает мягко.

– Я не видела отца пятнадцать лет.

Я тоже не видела свою семью с тех пор, как прибыла на Авалон, но, в отличие от Гвиневры, даже мысль о воссоединении меня настораживает.

– Ты вернешься в Лионесс, Гвиневра, – обещает Нимуэ. – Вашу с Артуром помолвку должны утвердить обе страны. И когда они дадут согласие, ты отправишься в Камелот. Много времени это не займет… месяц. Может, два.

Гвен с явным облегчением кивает, а потом стискивает руку Артура. Но он, кажется, этого даже не замечает.

Наконец и он поднимает на Нимуэ взгляд.

– Когда мы выезжаем? – Голос его звучит так, словно принадлежит незнакомцу. Пусто и сломлено.

– Завтра утром, до рассвета. – Нимуэ обводит нас взглядом. – Судя по всему, знать уже начала расставлять сети в направлении претензий на трон – и главенствует там твой брат-бастард.

Она не произносит его имени, но я все равно слышу его. Мордред. Я встречалась с ним всего раз, но в будущем видела достаточно: от его имени по коже бегут мурашки, словно по ней водят холодными и темными пальцами.

– Он женился на Моргаузе, и притязания на наследство его стали еще сильнее. Тут важно действовать быстро.

Моргана на упоминание сестры никак не реагирует: мысли ее скрыты за бурлящими тучами гнева.

– Если ты отошлешь меня, – заявляет она, – я никогда тебя не прощу. Я буду ненавидеть тебя за это до самого последнего вздоха.

Слова эти жестоки, но они не задевают Нимуэ: скатываются по ней, как вода по гусиному крылу. Может, потому что она уже слышала их прежде и смирилась с их правдивостью.

– Однажды ты поймешь, – отвечает Нимуэ.

Но я не думаю, что она в самом деле в это верит.

Она разворачивается и оставляет нас. Дверью не хлопает, но та закрывается с обреченной уверенностью. Это люди хлопают дверьми и кричат, Нимуэ же никогда не последует таким низменным позывам.

– Ты знала? – налетает на меня Моргана, когда Нимуэ уходит.

Мне становится стыдно, а потом я понимаю: Моргана вовсе не думает, что Нимуэ рассказала мне первой. Голос Морганы мягок, словно она спрашивает о чем-то запретном. Она спрашивает, являлось ли мне это в видении.

– Нет, – признаюсь я.

Она продолжает на меня смотреть – кажется, вопросы у нее не закончились. Но в конце концов Моргана кивает.

– Я не могу вернуться туда, Элейн, – шепчет она так, словно разговаривает только со мной.

И так оно и есть, ведь я единственная здесь понимаю, о чем именно она говорит. Гвен и Артур привыкнут к миру вне Авалона: они представительны, могут найти общий язык с кем угодно. Люди их полюбят. Но мы с Морганой… мы с Морганой – совсем другое дело.

Как-то в детстве отец сказал обо мне: на любителя.

Я беру ее за руку и сжимаю, но слов успокоения не нахожу. Да и что толку: ей они совсем не помогут. Она и не хочет, чтобы я врала, будто все будет хорошо.

– Я буду с тобой, – произношу вместо этого. – И Артур тоже, и Гвен. Мы не оставим тебя одну.

Буря с ее лица не исчезает, но она сжимает мою руку в ответ.

Артур вдруг резко поднимается, и сейчас я ясно вижу, как его разрывает на части. Он выглядит потерянным.

– Я не знаю, каково это: быть королем. – Он качает головой.

– Тебя мы тоже не оставим, – заверяю его я. – Мы будем рядом.

Он медленно кивает, словно пытаясь осознать мои слова. Я почти вижу, как поворачиваются механизмы в его голове – словно поднимающийся у ворот мост.

– Нужно сообщить об этом Лансу, – вдруг произносит он. – Он ведь ничего не знает. Он должен узнать.

Я ничего не отвечаю, потому что видела Ланселота в Камелоте, но, как и большинство вещей, та линия времени неясна и зависит от множества еще не принятых решений. Понятия не имею, отправится ли он с нами или прибудет туда через много лет. И какая-то ничтожная часть меня надеется на то, что Ланселот никогда не поедет в Камелот, – так было бы легче. Но я точно вижу его там. Как и всех нас.

6

Через несколько дней после того, как Моргана подожгла гобелен, я спустилась из спальни и нашла ее в зале: она стояла у потухшего камина, одетая в лавандовое платье, которое облегало ее фигуру, но открывало колени и локти. И на нем, в отличие от нарядов Моргаузы, не было ни одного драгоценного камня. Скорее всего, его сшила королевская швея, но Моргана явно чувствовала себя в нем неуютно: она сжимала в руках единственное украшение, которое носила, – огромный круглый черный бриллиант на простой золотой цепочке.

– Ты что здесь делаешь? – выпалила я прежде, чем поняла, что делаю.

К нам в башню никогда не заглядывали гости, но о ее приходе ведь должны были сообщить? Например, прислать письмо? Моргана не могла просто так появиться в нашем зале, подобно призраку.

Она подняла взгляд и заметила меня. И тут же растянула свои кроваво-красные губы в улыбке.

– А тебя нелегко найти, Элейн Астолат, – сообщила она вместо того, чтобы ответить на мой вопрос. – Ты знала, что в королевском дворе Камелота аж шесть Элейн?

Я никогда их не считала, но вроде бы это и правда было так.

– Как ты сюда попала? – Я присела на бархатное кресло с высокой спинкой – от него все еще пахло сладким дымом. Здесь в свой последний визит сидел отец.

Моргана опустилась в такое же кресло напротив меня, изящно скрестив лодыжки, как и подобает леди. Но потом она сгорбилась и облокотилась на подлокотник, подперев подбородок рукой.

– Оказывается, очень удобно быть дочерью короля – можно пройти куда только захочешь. – Моргана пожала плечами. – Я довольно быстро догадалась, что ты не можешь быть Элейн Старой. На Элейн Постную ты тоже мало походишь. После еще парочки предположений я поняла, что ты, должно быть, Элейн Безумная.

У меня заалели щеки, хотя я не впервые слышала это прозвище. Но Моргана произнесла это без капли злобы. И без жалости. Она приподняла бровь, заметив выражение моего лица.

– Прости, я подумала, это довольно старое прозвище.

– Так и есть, – призналась я. – Тебе рассказали, почему меня так называют?

Я до сих пор не могу понять, почему вдруг заговорила об этом. Почему открылась перед незнакомкой. Может, прозвище повлияло на меня гораздо сильнее, чем я думала. А может, я уже тогда знала, что Моргану правда не напугает. Что правда будет для нее предпочтительнее любых слухов, которыми пыталась замаскировать ее моя мать.

– Я слышала разные вещи, – сообщила Моргана, оценивающе меня оглядев. – И каждая была еще нелепее, чем предыдущая. Но про меня ты тоже наверняка многое слышала… Моргана Злая. Темная Моргана. Моргана…

– Моргана Фэй, – продолжила я, не успев прикусить язык.

Ее глаза расширились от удивления, а потом она ухмыльнулась.

– О да, последнее мне даже нравится. Лучше уже так, чем там история с монастырем.

– Так это правда? – спросила я.

И откуда во мне появилась эта дурацкая храбрость? Может, я от Морганы и заразилась?

– А ты вправду Безумная Элейн? – парировала Моргана.

Этого вопроса я и ждала.

Я вспомнила о той ночи, когда с криками бежала по коридорам. С тех пор прошли годы, но я все еще помнила холод камней под босыми ногами – так, словно это случилось только вчера. Горло мое саднило от криков. И за той ночью последовали другие, в которые я просыпалась в ледяном поту, не в силах вспомнить, что мне снилось. Иногда в кошмарах я тонула.

– Да, – наконец произнесла я. – Полагаю, что так.

– Что ж, – ответила Моргана и чуть выпрямилась; улыбка ее была опасной, как лезвие ножа. – Я жду подробностей.

Я не рассказывала об этом никому, кроме матери. Той ночью она отвела меня обратно в комнату и подоткнула одеяло, а я пересказала ей свой сон.

Это был не первый сон, который казался чересчур реальным, но после снов о воде… я помнила только ощущение. Но в ту ночь… В ту ночь я запомнила каждую деталь, и все их вывалила матери, которая молча выслушала меня. К тому моменту, когда я закончила, лицо ее стало почти мертвенно-бледным, но она улыбнулась и коснулась своими ледяными губами моего лба. А потом она смерила меня самым строгим взглядом, какой я только видела в своей жизни.

– Никогда не рассказывай об этом. Никому, – попросила она мягким тоном, совсем не сочетающимся с выражением ее лица.

– Но нужно ведь предупредить короля! – сказала я, вспомнив лицо королевы, которое видела во сне, прекрасное, но бледное, с зеленоватым оттенком и алыми пятнами на щеках.

Я знала, что в тот момент она находилась в шаге от смерти. Пусть это был всего лишь сон, да, я помнила об этом, потому что проснулась и сидела в своей кровати. Но это совсем не походило на него. Видение напоминало мне кошмары о воде – оно казалось невозможным воспоминанием.

– И что мы ему скажем? – спросила мама. – Что королева заболеет? И что он тогда сделает, Элейн?

Я задумалась. Последние одиннадцать лет жизни меня убеждали в том, что честность – лучшая добродетель. И вдруг моя собственная мать говорит обратное! Я не могла понять почему. Но мама ждала от меня другого ответа, и я попыталась его найти.

– Он может подумать, что это моя вина? – медленно произнесла я. – Что это произойдет из-за меня? Что я владею магией?

Я произнесла это шепотом, словно боялась, что из теней моей спальни тут же выпрыгнут вооруженные люди и арестуют меня за одно только упоминание магии. Маме от моих слов тоже стало не по себе: она долгое время молчала, но по выражению ее лица я понимала: я была права.

– В прошлом провидцам жилось очень тяжело, – голос ее задрожал. – Даже до войны… когда другая магия была обычным делом.

– Провидцы? – Мне это слово было незнакомо.

– Так называют тех, кто может заглянуть за завесу настоящего и увидеть будущее. Твой дар – наследный. У некоторых из нас он проявляется как сильная интуиция… остальным повезло меньше.

– Думаю, со мной и раньше такое случалось, – сказала я.

Я и не знала, что на самом деле у меня уже есть все кусочки картины, которая начала потихоньку складываться в голове. Странное чувство, словно я уже что-то видела, где-то была,

кого-то встретила. Например, наша башня: когда мама впервые привела меня туда перед одним из моих дней рождения, казалось, будто я уже бывала там. А стоило увидеть мою комнату, у меня перехватило дыхание и слезы потекли сами собой – кто знает почему.

Я хотела рассказать ей об этом, но она приложила к моим губам холодный палец.

– Тише. – В голосе ее одновременно звучали спокойствие и тревога. – Элейн, послушай меня очень внимательно. Никогда об этом не говори. Никому. Даже мне. Если они узнают, что ты такое, то попытаются использовать тебя. А когда поймут, что их действия ничего не изменят, то начнут винить в этом тебя. Такое уже случалось, и я не хочу, чтобы ты это пережила. Понимаешь?

Она не убрала свой палец, и я смогла только кивнуть, хотя на самом деле *не понимала.* Ведь если мои видения – это магия, то они не будут винить меня. Не будут использовать меня. Они просто меня убьют.

Мать мягко улыбнулась и убрала руку, а потом достала из кармана пузырек размером с мое предплечье… и вложила его в мою ладонь.

– Отныне делай глоток каждый вечер перед сном, и видения оставят тебя в покое. Ты будешь такой же, как все остальные девочки. Поняла?

Я не понимала, но это был бы неправильный ответ, и я снова кивнула.

Она удовлетворенно улыбнулась, а потом поднялась и направилась к двери.

– Мама.

Она не обернулась, чтобы посмотреть на меня, но на мгновение остановилась.

– То, что я увидела, сбудется? С королевой? Это правда?

– Да, – ответила мать после нескольких секунд тишины. – Боюсь, что это правда. Хоть и не знаю, когда это случится и что за болезнь к ней придет.

– Но… разве мы не должны попытаться это изменить? Мне нравится наша королева. Я встречала ее всего пару раз, но у нее такой сладкий голос – как мед! И улыбка добрая. Я не хочу, чтобы она умирала.

Мать вздохнула, все еще стоя ко мне спиной. И когда она заговорила, ее голос дрожал от слез.

– Если к тебе пришло видение… это значит, что уже поздно что-либо менять.

Я никогда не узнаю, лгала она мне или просто рассказывала известную ей правду. И моя мать, и ее мать, и мать ее матери – все они заглушали свои видения, не пытались их использовать, или понять, или манипулировать ими. У них не было Нимуэ, которая могла объяснить им природу видений, рассказать, что некоторые из них словно высечены в камне, но другие переменчивы, как морские течения.

Впрочем, это не имело значения. В тот раз я ей поверила.

– Пей лекарство, Элейн, и постарайся заснуть, – велела мне мать. – Утро вечера мудренее.

С тех пор прошло больше двух лет, но лучше мне так и не стало. Мама отказывалась об этом говорить и после смерти королевы. А я держала слово: никому не рассказывала о том, что видела, даже когда меня начали называть безумной. Как и просила мама, я отпивала из той бутылки каждый вечер и предупреждала ее, когда запасы заканчивались.

Я всегда слушалась маму.

А потом перестала. В тот миг, когда нарушила свое обещание и рассказала обо всем Моргане.

– На Авалоне есть провидцы, – сообщила Моргана, когда я закончила свой рассказ, куда более спокойным тоном, чем я даже могла предположить.

Я только что рассказала ей о моменте, который изменил всю мою жизнь, а она отреагировала так, словно мы с ней говорили о погоде. Словно это не проклятие, а просто любопытная способность.

– Правда, немного. Это редкий дар, – продолжила Моргана. – Видения пришли к тебе вместе с первой кровью?

Вопрос застал меня врасплох, и я покраснела. А потом кивнула.

– Через день или два, – призналась я.

И вспомнила бледно-розовое платье, второй завтрак и боль в животе… я думала, вдруг случайно съела что-то гнилое. Внутренняя сторона бедра была мокрой, но я списала все на пот. Я попросилась на выход, поднялась с места… и комната взорвалась оглушительным смехом при виде красного пятна на моей юбке.

– Так оно обычно и случается. С моей магией, по крайней мере, было так же. Замечала с тех пор какие-нибудь изменения? В своих видениях, в зависимости от цикла? – совсем не стесняясь спросила меня Моргана.

Я пожала плечами.

– Возможно? Сложно сказать. Лекарство работает, как мама и говорила, но… теперь, когда ты об этом упомянула, полагаю, спится мне всегда хуже. Я думала, что только из-за боли.

А не рассказать ли ей о моих снах с водой – они тоже ухудшались в те самые дни цикла, – но я не проронила ни звука. Если я произнесу это вслух, то слова мои лишь добавят кошмару силы. А этого мне не хотелось.

– Ты что, в самом деле принимаешь это лекарство? – в голосе Морганы прорезалась тревога. – Каждый вечер?

Я нахмурилась.

– Мама сказала, это важно.

Моргана чуть наклонилась ко мне.

– Но разве тебе не любопытно? Что, если ты увидишь, как завтра упадешь с лестницы и сломаешь шею?

– Но мама сказала…

– Да-да, знаю я, что сказала тебе мать. – Моргана вздохнула и покачала головой. – Но она ведь не всезнающа, так?

Об этом я никогда не задумывалась. До того момента я и предположить не могла, будто моей матери может быть что-то неизвестно. Разве не поэтому она устанавливала столько правил? Не поэтому всегда осторожничала? Она наверняка знала о том, о чем мне не довелось.

– Ты ведь не во всем ее слушаешься, не правда ли? – продолжила Моргана, внимательно следя за выражением моего лица.

Это звучало довольно безобидно, но уголки ее рта приподнялись, словно на самом деле это был не вопрос, а вызов.

– А ты свою? – спросила я прежде, чем успела об этом подумать. Память о королеве была еще слишком свежа в моей голове.

Улыбка Морганы не дрогнула, но она прищурилась и спокойно произнесла:

– Игрейн была матерью Моргаузы и Артура. Но я никогда не считала ее своей. Она всегда больше любила Моргаузу и никак этого не скрывала. Меня это не особо расстраивало, ведь я была любимицей отца, в тот год, что мы прожили вместе. Так мне рассказывали – сама я не помню. Ты о нем вряд ли что-то слышала – после войны никто не поминает неудачников. Отец любил меня, потому что знал: во мне течет его кровь, – продолжала Моргана. – Мать меня боялась – по тем же причинам, почему и все в этом проклятом месте. Поэтому они боятся и тебя тоже.

Она кивнула в мою сторону, чего я совсем не ожидала.

– Меня никто не боится. – От одной мысли мне хотелось рассмеяться. – Они смеются за моей спиной. Обзывают меня и…

– И почему же они все это делают, как думаешь? – оборвала меня Моргана. – Они знают, что ты другая. Они поняли это той ночью и теперь знают, что ты от них отличаешься. И лекарство матери держит тебя в клетке. Послушная девочка… Но ты другая, и это приводит их в ужас, поэтому они пытаются умалить тебя. Превратить из проблемы в удобство. Они знают: если загнать тебя в угол, ты никогда не поднимешься во весь рост. Они знают, что, если тебе удастся это сделать, ты превратишь их жизнь в руины.

Она говорила так уверенно… хотя сама не знала меня. И я до сих пор не понимаю, почему Моргана это сказала. Я спрашивала ее об этом, но она пожимала плечами и объясняла: ей показалось, будто это пойдет мне на пользу. Она, конечно, была права, но я сомневаюсь, что она сообщила мне всю правду. Думаю, какая-то часть ее *узнала* меня. Так же, как и часть меня узнала ее. Может, мы обе просто чувствовали себя ужасно одинокими. Может, она тоже во мне нуждалась.

– Совсем на меня не похоже, – пробормотала я. – Ты ведь знаешь, какая я.

– Я вижу лишь девочку, которая боится собственной тени и никак не выйдет на свет. Девочку, которая закрывает глаза на всю несправедливость, которой ее обливают. Девочку, которая во всем слушается маму и никогда не задает ей вопросов.

Ее слова пронзили меня подобно отравленным стрелам. От этого они менее правдивыми не стали.

– До Авалона я была такой же.

Она произнесла название острова как молитву. Как обещание. От одного только слова во мне поселилась странная тоска, которую я не могла понять. Она походила на грусть по отцу, по братьям, по нашему дому в Шалоте. Но как я могла скучать по месту, где никогда не бывала?

– Тебе бы там понравилось, Элейн. – Впервые за все то время, что я видела Моргану, она выглядела по-настоящему счастливой. – В Великом озере есть остров, но с берега ты его не заметишь. Ты не увидишь его, пока не ступишь на его землю, пока не узнаешь его тайны. Там нет замков и башен, только хижины из ветвей и деревьев и небольшие дома в скалах. Там нет дворов, королей и королев, там ты можешь быть свободна. Можешь бежать по лесу, и плавать в озере, и в реке, и делать все, что тебе только захочется, и никто тебя не остановит. Кроме разве что Нимуэ.

Последние слова Моргана произнесла не сразу, чуть задумавшись.

– Нимуэ? – спросила я.

Как странно думать о тех временах, когда Нимуэ была для меня незнакомкой. Когда я впервые произнесла ее имя, я споткнулась о непривычный слог. *Ним-уэй.*

Моргана улыбнулась.

– Она понимает. Только она понимает. Нимуэ помогла мне осознать, на что я способна. Показала мне, почему меня все боятся. И научила контролировать мою силу. Она – Леди Озера.

Моргана произнесла этот титул так, словно говорила о королеве. Или о богине.

– Я видела, как ты разожгла тот огонь в зале, – заметила я.

Она рассмеялась.

– Что лишь малая толика моих сил. Это все кровь фейри – со стороны отца, – пояснила она. – Полагаю, в твоем случае это сторона матери.

Это повергло меня в шок.

– Но я не… я не фейри. Я – это всего лишь… я.

Моргана одарила меня раздраженным и в то же время жалостливым взглядом.

– Ох, Элейн. Сомневаешься в моих словах?

Самое странное – я ничуть в них не сомневалась. Все эти неведомые, невероятные вещи звучали так, словно я о них уже знала. Где-то глубоко в душе.

– Я тебе верю, – уточнила я.

– Тогда ты понимаешь, – Моргана склонилась надо мной, взяла мои руки в свои и крепко их сжала, – как это чудесно?

Из меня вырвался горький смешок.

– Чудесно? – выдавила я. – Я не только бе-зумна, но еще и немного фейри? Мама была права, если кто-то об этом узнает…

– То тебя убьют, – спокойно закончила Моргана. – Но если ты продолжишь пить свое лекарство, то никто не узнает. Ты сойдешь за свою. Однажды о той ночи и твоем видении забудут, и ты перестанешь угрожать их жизням. Ты вырастешь в прекрасную девушку с богатым приданым. Ну кто не возьмет такую в жены? И потом у тебя родятся дети, и, может, у твоей дочери тоже будет дар. И наступит день, когда ты научишь ее бояться его. Передашь ей зелье. Этого ты хочешь? Превратиться в свою мать?

– Нет, – произнесла я с уверенностью, порази-вшей даже меня.

Разве это мой голос? Такой громкий? Такой яростный?

Моргана улыбнулась и еще крепче сжала мои пальцы.

– Как хорошо, что я нашла тебя. Теперь ты сможешь вернуться со мной на Авалон и познакомиться с Артуром! И с Лансом, и с Гвен, ты им сразу понравишься, как и мне, потому что ты такая же, как мы. И провидцы научат тебя контролировать свой дар, и ты больше не будешь его бояться. Разве тебе этого не хочется? Не хочется найти свое место?

Мне хотелось. Хотелось чувствовать себя как дома и завести друзей. От одной мысли об этом кружилась голова. Звучало волшебно, но… не так-то все это было просто.

– Я не могу вот так уехать, Моргана, – сказала я. – Здесь живет моя мать, и я должна подумать об отце и братьях. Если я уеду…

– Ничего с ними не случится. Все подумают, будто мы быстро сдружились и я практически утащила тебя на Авалон. А это будет значить, что Утер выделит твою семью из остальных. Братьям твоим достанутся титулы и земли, если все разыг-рать как следует.

– Но моя мать… – протянула я.

– Она немного безумна, Элейн, – осторожно произнесла Моргана. – Я бы не удивилась, если бы в этом было виновато лекарство. Ваш дар нельзя заглушать. Это не здоро́во – ни для нее, ни для тебя.

Об этом я никогда не думала. Но мнение свое не поменяла. Однако в ту секунду меня одолели сомнения, и Моргана это заметила.

– Не принимай сегодня свое зелье, – почти умоляюще попросила она. – Через два дня я уеду, сразу после деньрожденческого пира. Не пей лекарство, и, если к тому моменту ты не передумаешь, я пойму. Но это важный выбор, и тебе не стоит делать его так просто.

– Моргана…

– Пообещай мне, – перебила она. – Две ночи. Справишься?

Оглядываясь назад, я понимаю, что выбора у меня на самом деле и не было. Отказывать Моргане я никогда не умела.

7

Дождь будет таким сильным, что каждая капля вопьется в кожу, словно крошечный ледяной кинжал. Уши заложит какофонией волн. Каждые несколько ударов сердца в вышине станет ухать гром, словно военные барабаны. Словно смерть. Я побегу по влажному песку, оставляя глубокие следы, и буду бежать до тех пор, пока ноги не заноют от боли. Но я не остановлюсь, потому что мне нельзя останавливаться. Если я замру хоть на секунду, то потеряю все.

Передо мной поднимутся скалы – острые, изрезанные, с кучей ниш, в которых смогли бы поместиться целые дома. Когда я подбегу к ним достаточно близко, то увижу его: огромный, выдающийся над шумной водой камень, на котором замрет темная фигура в капюшоне, деревянным посохом помешивающая что-то в котле. Я узнаю ее лицо, освещенное на мгновение вспышкой молнии.

– Моргана! – Этот голос мой, но в то же время чужой. Слишком взрослый, слишком громкий и неуверенный.

– Моргана, остановись!

Даже если она услышит меня, то не подаст виду – продолжит мешать свое варево, не отрывая от него внимательного взгляда. Я начну карабкаться к ней, хватаясь за грубую поверхность камня, обрезая ладони и ступни до крови… это меня не остановит. Я перелезу через край и увижу, как она закинет в котел кусок белой ткани, вымоченной в темной крови, и вновь помешает.

– Моргана, – повторю я, пытаясь отдышаться и поднимаясь на ноги. – Ты не можешь этого сделать. Они – наше племя.

Ее фиолетовые глаза поймают мои, и я вдруг с ужасом пойму, насколько она взрослая – прошло лет десять, но из-за впалых щек и уставшего взгляда она выглядит еще старше.

– Нет. Не наше, – ответит она.

Ее резкие слова будут сочиться тьмой и холодом. Смертью. Она продолжит мешать, но по лицу ее покатятся слезы, а губы сожмутся в тонкую линию. Руки задрожат, но не выпустят посох.

– И если я этого не сделаю… то кто же тогда сделает? – Она поднимет на меня пустой взгляд. – Ты, Эл?

По коже побегут мурашки. Я захочу ей помочь, но лишь продолжу наблюдать за ее работой. Когда она достанет из котла ткань, та снова будет белой – на самом деле это рубашка. Такие носили под доспехами на шалотских турнирах мои братья и отец. Моргана бросит в меня ею, и я поймаю ее. Рубашка будет сухой, но я совсем этому не удивлюсь.

– Побудь хоть немного полезной, ночь будет длинная, – скажет Моргана.

– Завтрашний день будет еще дольше, – предостерегу я, но послушаюсь и аккуратно сложу рубашку себе под ноги.

На несколько мгновений повиснет мучительная тишина. Я не сразу замечу, что тоже плачу. Каждый раскат грома эхом станет отражаться в моей голове. Я стисну руки, впиваясь ногтями в кожу до крови.

Я должна ее остановить. Но я не могу.

Это вне моих сил.

– Как ты это делаешь? – спрошу я так тихо, что не буду уверена, услышала ли она меня. Но она услышит. И не переспросит.

– Стараюсь не думать, – прохрипит она. – Об именах и лицах. Только о рубашках. Только о чистоте.

Я посмотрю на кучи одежды, которые ждут своей очереди, – каждая еще выше, еще алее предыдущей. Кто-то должен делать эту работу.

Моргана снова потянется вперед и вытащит белую рубашку, которая ничем не будет отличаться от остальных… но только на первый взгляд.

Из моего горла вырвется незнакомый, чужеродный крик, и я подбегу к Моргане, попытаюсь выхватить одежду из ее рук.

– Нет! – прорыдаю я и потяну за ткань. Почувствую, как натягиваются швы, сделанные моей рукой. – Только не он, нет, Моргана, прошу! Кто угодно, только не он.

Она выпустит из рук посох и обнимет меня, прижмет к себе, прямо к шее, и будет выводить по спине успокаивающие круги.

– Элейн, – прошепчет она, – ты ведь знаешь, все уже решено.

Я попытаюсь вырваться из ее объятий, но она будет держать меня крепко.

– Не забирай его! – И мой голос сломается.

– Он сделал свой выбор, – прошепчет она мне на ухо. – И вот куда он его привел.

Я прижму рубашку к груди, рыдая, а Моргана прижмет меня к себе. Потеря ударит по мне сразу же, и в груди зазияет дыра. Я не выдержу. Я и так отдала этому миру слишком много и не могу отдать ему еще и его.

Таким было мое первое осознанное видение – оно явилось в ночь, когда я оставила лекарство на полке и заснула с эхом слов Морганы в голове, пытаясь представить Авалон таким, каким она его описывала.

Я проснулась в поту, потянулась к зелью, чтобы провалиться в счастливое забвение, изгнать видение Морганы, темной скалы и своего отчаяния из головы.

Но я не выпила ни глотка. Я просто стояла там, в ночнушке, с прилипшими ко лбу волосами, и прислушивалась к своему грохочущему сердцу. Внутри меня бушевала война. Я сжимала бутылку так сильно, что побелели костяшки пальцев, а потом наконец поставила ее на полку.

Я вернулась в постель и приняла решение: что бы ни подумала моя мать, я поеду на Авалон. Путь мой был предрешен.

И я вспоминаю об этом сейчас, следуя за Морганой по лесу. Артур и Гвен ушли вперед – на поиски Ланселота. Уверена, им тоже грустно покидать Авалон. Но в них наверняка живет и радостное предвкушение – новых земель, новых приключений, новой жизни в диком, неизвестном мире.

Моргану подобные чувства не переполняют. Зная, что нас ждет, что мир с нами сделает… я тоже не могу радоваться.

– Мы вернемся сюда, Элейн? – спрашивает меня Моргана.

Она осторожна и подозрительна – какой и должна быть. Она понимает: лучше не спрашивать меня о видениях. Знать свое будущее очень опасно. Она помнит, что случилось в прошлый раз, когда я поделилась с ней тем, что видела..

Сжимаю губы и не поднимаю взгляда – боюсь увидеть Моргану такой, какой она была на темных скалах: тощей, с загнанным взглядом и голосом, которому позавидовала бы сама смерть.

Моя мать ошибалась, когда говорила о видениях: они не всегда сбываются. Так сказала мне Нимуэ. Она объяснила, что будущее определяет выбор и чем чаще изменяется видение, тем менее реальным оно становится. Но вот в чем дело – сон о скале не менялся. Он являлся мне десятки раз – та же сцена, снова и снова, и каждый раз одинаковая, вплоть до ритма моего дыхания. Он такой же надежный, как земля под моими ногами.

– Да, – отвечаю я. – Мы вернемся.

Больше я ей ничего не говорю. Не сообщаю о том, что, когда вернемся на Авалон, мы будем другими. И что ее человечность – делающая ее такой, какая она есть, – исчезнет.

8

Ланселот явился ко мне в видении до того, как я с ним познакомилась, – правда, видение это было туманным и незавершенным, результатом материнской жестокости и жуткой любви, чего я не ожидала. Иными ночами я ясно чувствую ее холодную руку на шее – второй она заталкивает мне в рот горлышко бутылки. Я просыпаюсь, плюясь, мне не хватает дыхания, я словно захлебываюсь рвотой. В такие ночи я почти жажду променять это на видение о воде и утоплении. Пусть уж лучше меня преследует будущее, а не прошлое.

Но что-то я слишком тороплюсь.

Через пару дней после моего прибытия на Авалон мы с Ланселотом гуляли по лесам в северной части острова – туда я еще не забредала. Остальные корпели над учебниками. Позже я узнаю, что обучение Ланселота закончилось прошлым летом. Ему было пятнадцать, и фейри решили, будто ему больше нечему у них научиться: все остальное он может познать и сам.

Чаще всего Ланселот просыпался до рассвета, чтобы побегать, покататься на лошади или поупражняться с мечом. Он постоянно двигался, постоянно тренировался, постоянно стремился к тому, чего я не могла постичь.

После получаса блужданий по лесу в тишине мы услышали шум текущей воды среди пения птиц и вскоре вышли к речушке, вьющейся между деревьев. Кое-где вода в ней доходила нам до лодыжек: она плясала над булыжниками, украшавшими дно. Но чем дальше мы шли, тем глубже она становилась: прозрачная чистота сменилась чернильной синевой.

Сначала я услышала водопад и лишь потом увидела его. От бесконечного шума сводило живот. Густой лес сменился полем бледных фиолетовых цветов: их аромат заполнил ноздри прежде, чем я успела их увидеть. Я сделала глубокий вдох и позволила запаху обвиться вокруг меня, подобно одеялу. Травы щекотали мои обнаженные икры, но я забыла о неприятных ощущениях, когда перед нами предстал водопад.

Он ниспадал по отвесной скале на дальнем краю поляны – аквамариновая завеса, сияющая в полуденном солнце. Я знала, что тут не было ни капли магии, но выглядело все так, словно без нее не обошлось. Слишком уж чистой была вода, слишком синей – словно ее покрасили. Но тут постаралась природа.

Водопад заканчивался в небольшом пруду, из которого вился исчезающий в дебрях ручей. От шума заложило уши – я вспомнила о видениях, хотя знала, что бояться мне здесь нечего. Во снах окружающая меня вода была слишком яркой, слишком открытой… явно не это место. И все же я остановилась, когда Ланселот подошел к берегу, скинул сапоги и присел на край, желая помочить ноги.

Но он, должно быть, почувствовал, что я замерла: оглянулся и приподнял брови.

– Все в порядке?

Кажется, я кивнула слишком быстро – он мне не поверил.

– Думаю, я тут постою. На цветы полюбуюсь.

Он фыркнул и закатил глаза.

– *На цветы полюбуюсь,* – повторил он. – Неужели так в большом мире и говорят?

– Как? – нахмурилась я.

– Словно пытаются заполнить тишину чем-то бессмысленным, – ответил он. – Ты сказала *«На цветы полюбуюсь»,* хотя на самом деле имела в виду *«Я слишком боюсь подходить к воде»*.

– Я не… – Я начала было оправдываться, но замолчала и покраснела. – Как ты узнал?

– У тебя сердце забилось быстрее и дыхание участилось. Классические признаки страха.

Я непроизвольно сделала шаг назад.

– Ты слышишь мое сердце? И дыхание? С такого расстояния?

Он пожал плечами.

– Дар фейри, – объяснил он так, словно это встречалось частенько (и на Авалоне это действительно было так, просто я тогда еще этого не знала). – Разве в Альбионе нет воды?

– Есть, конечно, – отрезала я и сама подивилась своей резкости.

Он ведь был прав. Сердце мое колотилось как бешеное, и дышала я часто. Я не могла сосредоточиться и удержать себя в руках.

– В Альбионе есть и вода, и деревья, и горы, и все то, что есть и здесь, у вас. И мы не просто так заполняем тишину. Это просто вежливость, и тебе стоило бы ей поучиться.

Я пожалела о своих словах в ту же секунду, как их произнесла, но даже если Ланселот и оскорбился, то не показал этого. Он покачал головой и раздражающе усмехнулся.

– Здесь ты не утонешь, если боишься именно этого, – сообщил он наконец. – Даже если плавать не умеешь. Вода выплюнет тебя обратно на берег. Я уже видел такое, когда дети заплывали слишком далеко.

– Я не боюсь здесь утонуть, – произнесла я, но в детали вдаваться не стала. Да он этого, кажется, и не ждал.

На мгновение мне показалось, что он начнет расспрашивать меня дальше, но Ланселот просто кивнул.

– Скучаешь по нему? По Альбиону?

За всю ту неделю, которую мы друг друга знали, он не задавал мне вопросов. По крайней мере, таких искренних. До того момента я не осознавала: он всегда спрашивал только о том, ответ на что уже знал.

– Полагаю, в каком-то смысле, – ответила я, чуть подумав. – Но я никогда не находила там себе места. Альбион… там я словно носила туфли, которые были мне не по размеру. Выглядели они хорошо, но врезались в пальцы, натирали пятки, и с каждым днем боль становилась все сильнее. Другим людям они пришлись по размеру. Мне – нет.

Признание это походило на капитуляцию: я словно подарила Ланселоту нож, которым он сможет меня ударить.

– А здесь ты этого не чувствуешь? – спросил он.

– Нет, – честно сказала я. – Я здесь всего неделю, но чувствую себя как дома. В Альбионе такого не было.

На мгновение мне показалось, что мы пришли к какому-то пониманию. Нашли общий язык, как и со всеми остальными – но не с ним. Он долго смотрел на меня, словно вглядывался в самую мою душу.

А потом рассмеялся, и смех его был жестоким и достаточно острым, чтобы оставить глубокие раны. Пробрать меня до костей.

– Тебе здесь не место, – сообщил он. – Это не твой дом. Ты всего лишь проезжающий мимо гость. Однажды ты вернешься домой с кучей потрясающих историй за пазухой. И мы не будем по тебе скучать.

Я уставилась на него, сражаясь с готовыми пролиться слезами.

– Ты ничего обо мне не знаешь, – процедила я.

– Разве нет? – Он приподнял брови. – Тогда скажи, в чем же я ошибся, Шалот.

Но я не могла. Ведь какая-то часть меня – довольно большая часть – подозревала, что Ланселот прав. Потому слова его и были такими болезненными.

– Пошли, – произнес он со вздохом. – Не то опоздаем к обеду.

Настала моя очередь смеяться, и я быстро провела рукой под глазами, чтобы поймать все невылившиеся слезы.

– Никуда я с тобой не пойду. – Даже в моих собственных ушах голос мой звучал так, словно принадлежал капризному ребенку.

– Так что же, останешься здесь одна?

– Я возвращаюсь в свой домик, – сказала я, понадеявшись, что звучу куда более уверенно.

– И как же ты туда дойдешь?

Я отвернулась от него и пошла в том направлении, откуда мы пришли… но как только я сделала шаг, то поняла: все вокруг выглядит незнакомо. Это меня не остановило: лучше уж я буду блуждать по лесу, чем проведу еще хоть минуту в обществе Ланселота.

– Куда это ты? – закричал он, но я его проигнорировала и зашла в подлесок, из которого мы, кажется, и вышли.

Я услышала топот его ног, и вскоре Ланселот догнал меня.

– Ты не в ту сторону идешь, – удивленно произнес он.

– Да? Что ж, из этого получится отличная история.

– Только если ты проживешь достаточно, чтобы поведать ее людям, – заметил он. – Через пару километров отсюда – зыбучие пески. И довольно сложно заметить, где заканчивается твердая земля и начинается песок, но раз удача на твоей стороне…

Я резко остановилась.

– Звучит до глупейшего опасно. С чего бы зыбучим пескам быть там, где ходят люди?

Ланселот удивился моему вопросу.

– Они для фейри зыбучих песков, – сообщил он так, словно это было само собой разумеющимся.

Я вперила в него взгляд, а потом закрыла рот и распрямила плечи.

– Нет никаких фейри зыбучих песков.

Он ухмыльнулся.

– О, посмотри-ка, а ты учишься! – Он схватил меня за локоть и развернул куда-то вправо. – Но если ты в самом деле вознамерилась устроить сцену и красиво уйти, тебе туда. Можешь, конечно, по пути свалиться в реку или со скалы, но если справишься, то уткнешься прямехонько в свой домик.

Я с силой сжала зубы.

– Полагаю, моя неудача позабавит тебя.

– Смотря какая неудача, – ответил он. – Но я сомневаюсь, что Моргане понравится, если ты погибнешь под моим присмотром. Так что я не позволю этому случиться.

Ланселот пошел вперед, и я осторожно последовала за ним.

– Ты боишься Морга-ану, – озадаченно протянула я.

Он одарил меня недовольным взглядом, но я знала, что попала в точку.

– Я не боюсь никого и ничего! – рявкнул Ланселот.

Я рассмеялась.

– Я слышу, как колотится твое сердце. И дыхание участилось тоже. – Я попыталась повторить его недовольную гримасу.

Его это не впечатлило.

– С моей стороны это звучит как простой факт. Но в твоих устах… слишком уж странно.

– Я так тебя боялся, – признался мне Ланселот годы спустя. Он прошептал это мне в плечо. Его дыхание опалило кожу, и он прижался к ней губами.

Мы лежали в моей кровати, и с небес нам светили звезды. Тела обнимали белые простыни, влажные от пота. Я вела пальцами по груди Ланселота, по холмам и долинам его мускулов – я выучила эти ландшафты наизусть. Но стоило ему открыть рот, и я замерла и рассмеялась.

– Да ладно.

Я поднялась, чтобы получше его рассмотреть, но лицо его было открытым, ни капли хитрости. Я никогда не устану видеть его таким: Ланселот позволяет себе расслабиться только в наши томные ночи вместе.

– Правда, – настоял он. – Потому что я знал: ты пришла не одна – ты принесла с собой перемены. И я знал, что однажды останусь позади.

Он не уточнил, кто оставил бы его позади, но это и не нужно было. Ланселот имел в виду Артура, Гвен и Моргану. Даже в те моменты, которые мы проводили вдвоем, они незримо присутствовали.

– Я сказал, что тебе здесь не место, но на самом деле им здесь тоже не место. И однажды вы уйдете, а я останусь совсем один.

Он произнес это так просто, не ища ни жалости, ни поддержки, ни добрых слов. И я не знала, как на это ответить: часть меня хотела напомнить ему, что он может отправиться с нами. Это было возможно. Но будущее казалось таким далеким, слишком далеким, с ним столкнутся другая Элейн и другой Ланселот… Проблем таких возникнет еще немало, так почему бы не добавить в кучку еще одну?

Я положила руку ему на сердце: оно билось под моими пальцами, подобно птице в клетке.

– Похоже, ты все еще меня боишься. – Я чуть подвинулась и нависла над ним, оперевшись руками на его плечи.

Мои золотистые волосы закрыли нас от взора звезд, сияющих сквозь открытую крышу, от Авалона и всех остальных. И от будущего, которое на нас давило. В мире остались только он и я, и биение наших сердец, и дыхание, вырывающееся из наших губ.

– Твое сердце забилось чаще, – произнесла я, пытаясь изобразить его глубокий говор. Получилось у меня куда лучше того раза, когда я попыталась проделать это впервые. Теперь я знала его голос так же хорошо, как и свой собственный. – И дыхание участилось, – продолжила я.

Он посмотрел в мои глаза и рассмеялся: смех этот отозвался по всему телу. А потом он поднял голову и увлек мои губы в поцелуй, и мир наш сделался еще чуточку меньше.

Мы находим Ланселота на пляже: он собирает ракушки для своей матери, Аретузы.

О ней ходит много толков: каждый новый совсем не похож на предыдущий, словно опаловые чешуйки, которые переливаются на ее коже. Ланселот никогда не рассказывал ее историю, но вот что я узнала о ней сама.

До рождения Ланселота Аретуза была водяным божеством, и ее владения тянулись по рекам и прудам всех земель и по морям, которые их со-единяли. Даже грязные лужицы на ули-

цах Камелота принадлежали ей, и она могла путешествовать по ним и любым другим водным клочкам с такой же легкостью, с которой я делала шаг.

Сила ее была велика, а сама она – счастлива. Почти.

В конце концов, вода тоже может быть холодной и пустой, и Аретузе стало одиноко.

Как-то раз она показала мне себя – тогда я впервые пришла к ней на чай. Чешуя покрывала внутреннюю сторону ее рук и ног и живот, поэтому она носила длинные, струящиеся платья, чтобы укрыться от чужих глаз. Тогда я не понимала, зачем она это делала, ведь чешуя переливалась радугой, блестела и была такой красивой.

Аретуза рассказала, что когда-то чешуя покрывала почти все ее тело, а жабры на шее позволяли дышать под водой. Когда-то вместо ног у нее были плавники.

Однажды у лесной реки она увидела мужчину. Она не называла его красивым – да ей и не нужно было. В историях, подобных этой, мужчины всегда красивы. Красота и приманивает, и плотно сажает на крючок.

Может, какое-то время он и любил ее в ответ. Может, он думал, что сдержит все обещания, которые шептал ей на ухо. Может, он не собирался оставлять ее одну: с растущим животом, отваливающейся из-за сухости чешуей и в ожидании того дня, когда он вернется. Может, он попал в неприятности… Аретуза в это все еще верит, и ее суждение тут все же вернее любого из наших.

Но это не имеет значения, потому что Аретуза осталась одна, без чешуи и с новорожденным сыном. Она осталась одна в мире, которого не понимала.

На Авалон их привела Нимуэ, и какое-то время они считали, будто чешуя ее отрастет обратно и она вернется в море, но этого так и не произошло. Кое-кто говорит, что так ее наказывают Дева, Мать и Старуха – ведь она бросила свои обязанности ради смертного мужа. Кое-кто говорит, что это и не наказание вовсе, а выбор: Аретуза решила остаться на земле, со своим сыном.

Не знаю, что из этого правда. Но Ланселот вряд ли сможет ответить мне на этот вопрос.

Ракушки – одна из немногих связей с морем, оставшихся у Аретузы. Она показала мне, что в них сокрыты послания, которые прошептали за сотни тысяч километров отсюда, и научила, как оставить свое. Стоило его бросить в воду, и много дней спустя его кто-нибудь найдет.

Когда я впервые прибыла сюда, то прошептала несколько посланий для матери и проделывала это каждый день в течение месяца. Но ответа так и не получила, потому и перестала. Я пыталась убедить себя, будто просто что-то делаю неправильно, поэтому сообщения не доходят, – хотя какая-то часть меня всегда знала: это не так.

– Какие слухи принесло с земли? – спрашивает Моргана у Ланселота, пытаясь сохранить легкий тон.

Он поднимает бровь – особый талант, которому я всегда завидовала. Когда это пыталась проделать я, то люди порывались тут же отойти подальше – я выглядела так, словно вот-вот чихну.

– Это не слухи, Эм, а важные послания.

Моргана не отвечает, и Ланселот не сдерживает вздоха.

– Леди Дюкарт из Лионесса пытается совратить пастуха на два десятка лет моложе себя. Безрезультатно. И теперь весь двор над ней смеется. Ну что, довольна?

– Весьма, – подает голос Гвен. – Леди Дюкарт пыталась убедить всех, что меня растили чудовища.

Я хмурюсь.

– Ты ведь *сама* всем рассказываешь, что тебя растили чудовища. Так что это… правда?

Она пожимает плечами и отводит взгляд.

– Все дело в ее тоне.

Я качаю головой и перевожу взгляд на Ланселота.

– Мы пришли попрощаться, – сообщаю я.

Ланселот удивленно вскидывает голову, а потом наклоняется, чтобы поднять еще одну раковину, вытирает ее о свою домотканую тунику, уже мокрую от соленой воды.

– Не стоило проделывать такой путь, – бормочет он. – Увиделись бы за завтраком.

Я оглядываюсь на остальных, ища поддержки, и вперед выступает Артур.

– Нас не будет на завтраке. – Голос его звучит куда более уверенно, чем я ожидала. – Мой отец умер. Теперь я – король Камелота.

Он впервые произнес это вслух, и в утверждении его слышится вопрос, словно Артур ждет, что кто-нибудь его поправит. Но никто этого не делает.

Ланселот смотрит на нас так, словно сейчас кто-нибудь выпрыгнет вперед и назовет происходящее шуткой. Потом понимает, что это не так, хмурится и отворачивается к морю. Где-то там, за горизонтом, нас ждет Альбион.

– Что ж, – медленно произносит он, – мы ведь знали, что так и будет, не правда ли? Легкой дороги.

Голос его такой спокойный, что мне хочется его ударить. И, похоже, не только мне.

– Что, и это все? – сердито фыркает Гвен.

Ланселот не отрывает глаз от горизонта.

– А что я должен сказать, Гвен? – вздыхает он. – Мы ведь больше не дети. Перед нами лежит будущее. Разные дороги.

Я хочу спросить, каким он видит свое будущее? Что он в нем делает? Собирает ракушки для своей матери, которая и сама может это делать? Участвует в поединках, уверенный в своей победе? Бегает по лесам, знакомым до самого последнего листика? Пересекает одни и те же тропы снова и снова? Этого он хочет? Легкой жизни безо всяких проблем?

– Значит, это прощание, – отвечает Артур, которого явно задели слова Ланселота. – Не нужно нас провожать… я знаю, как ты любишь поспать.

Ланселот дергается, словно Артур его ударил, но через мгновение кивает.

– Я буду по вам скучать. – Он снова поворачивается к нам. – Вы были хорошими друзьями.

И вот оно. Вот оно, слабое место в его броне – тоньше волоса, но достаточно велико, чтобы вспомнить: пусть Ланселота растили фейри, пусть он полукровка, но он все еще человек. Он смертен, и под спокойной поверхностью эмоции его бурлят.

– Встретимся у домика, – сообщаю я остальным, не отрывая взгляда от Ланселота. – Дайте нам пару минут.

Никто не возражает. Они молча уходят к кромке леса, оставляя нас с Ланселотом одних. Может, они знают, что за разговор нас ждет, и не хотят принимать в нем участия. От этой мысли у меня горят щеки, и я пытаюсь унять свои эмоции, даже когда Ланселот поднимает на меня взгляд и улыбается уголком рта.

– Если хочешь более романтического прощания… – начинает он.

– Вовсе нет, – обрываю я его и скрещиваю на груди руки. – Поехали с нами.

Я не успеваю остановить эти несколько слов, но произношу их так тихо… может, он меня не услышит? Но плечи его напряжены – значит, услышал. Я прокашливаюсь.

– Поехали с нами, – повторяю я погромче. – На Альбион. В Камелот. Ко двору.

Это звучит так нелепо. Особенно сейчас. Он стоит по щиколотки в воде, его штаны закатаны, а белая рубашка мокрая и незастегнутая, темные волосы слишком длинные, спутанные и чуть вьются у ушей… ему не место в королевстве людей. Не место при дворе. Я пытаюсь представить его там: в отглаженном бархатном костюме, застегнутом до горла, в плохо освещенном замке, среди камня, дерева и спертого воздуха. Или на балу: он переставляет деревянные ноги

под строгую струнную мелодию, совсем не похожую на дикие барабаны Авалона, кружится в танце с девушкой, похожей на меня.

Даже в моем воображении Ланселот выглядит несчастным. Так, словно ему в Камелоте не место.

И он тоже это понимает, потому что не отказывает сразу. Вместо этого Ланселот смотрит на меня. Просто смотрит. И он вдруг кажется мне таким молодым… Вот что за человек скрывается за всей его показной уверенностью: ему всего двадцать пять, он смущен и испуган, он теряет своих единственных друзей, и он не может не драться и не перечить людям, ведь он не знает, что будет, если он вдруг остановится.

– Авалон – мой дом, – мягко произносит он. – И всегда им был.

– Так найди новый дом, – возражаю я. – Дом – это не место. Это люди. И твои люди отправляются на Альбион. Ты должен поехать с нами.

Он качает головой.

– Я нужен матери.

Я ответила то же самое Моргане, когда она просила меня отправиться с ней на Авалон. И сейчас я понимаю Ланселота лучше, чем мне бы хотелось, но все равно напираю.

– Твоя мать куда сильнее, чем ты думаешь. Она может о себе позаботиться, и ты об этом знаешь, – произношу я. И я права.

Аретуза мне не мать, но я знаю: она справится со всем сама. И она никогда не опекала Ланселота слишком сильно. Аретуза отпустит его – с поцелуем и добрыми словами.

– Она в тебе не нуждается, – продолжаю я. – Не так, как мы. Артуру нужен друг. Нужен тот, кто не побоится говорить ему правду, кому будет плевать на корону. Моргане и Гвен ты тоже нужен, особенно в этой змеиной яме – королевском дворе. Они обе будут не в своей тарелке, поэтому им нужно что-то знакомое. Кто-то знакомый. Без тебя нам всегда будет чего-то не хватать.

Ланселот молчит, и я чувствую на себе его тяжелый взгляд. В нем больше нет стен: Ланселот открыт, и это пугает еще сильнее. Я хочу отвернуться, но не могу. Он делает осторожный шаг вперед, и на песок с него бежит вода. Я никогда не видела Ланселота таким осторожным с чем бы то ни было, – и вдруг он ступает, словно боится, что земля разверзнется под его ногами. Он останавливается в паре десятков сантиметров от меня.

– А ты?

Он убирает за ухо выбившуюся из моей прически прядь. И от этого маленького жеста что-то внутри меня ломается, но я стараюсь этого не показать.

– Тебе я тоже буду нужен, Шалот? – спрашивает он так, словно боится услышать ответ.

Я хочу сказать «нет». В конце концов, я бывала в Камелоте. Мне не нужен воин, не нужен партнер для тренировок, не нужна связь с Авалоном. Мне не нужны еще друзья: их уже на три больше, чем было при дворе тогда, много лет назад. Он мне не нужен, ведь я видела тени нашего будущего – легкую пастель и резкие цвета, и я знаю: одно не может существовать без другого. И я не хочу этого. Не хочу его.

Но я не умею врать, пусть даже самой себе, и слова эти умирают у меня на языке.

– Да, – отвечаю я вместо этого.

Это слово прорывает все защитные стены, и его сила удивляет меня. Оно поднялось из глубин, словно что-то уродливое, постыдное и необходимое. Как ужасно это – нуждаться в ком-то. Но еще ужаснее признать это вслух. Я будто режу себя наживую, раскладываю собственное тело на пир воронам. Я хрупка, слаба и отчаянна. Не так уж я и отличаюсь от той девочки, которой была там, в Камелоте. Она тоже хотела любви и никогда ее не получала. Я больше не собиралась быть такой, но вот она я… хочу того, чего не получу.

Ланселот удивляется моему признанию чуть ли не сильнее, чем я сама. Мы только и можем смотреть друг на друга.

Проходит целая вечность, и он наконец кивает, но не поднимает на меня взгляда. Он смотрит мне за плечо: где-то там, я знаю, горит в окне дома его матери свеча.

– Ты всегда сможешь вернуться, – говорю ему я и ненавижу себя за это. Потому что в самых темных глубинах моей души спрятано знание: в словах этих нет правды. Я видела множество сцен из будущего, но ни в одной из них Ланселот не возвращается на Авалон.

9

На следующее утро после того, как меня впервые посетило видение со скалой, я практически запихивала в себя еду: картины будущего все еще были свежи в памяти и мне казалось, что удержать в желудке я ничего не смогу.

– Элейн, – проговорила моя мать, ее голос прорвался сквозь туман моего разума – она вроде бы лениво помешивала свой чай, но ее цепкий взгляд не отрывался от меня. – Слышала, к тебе вчера приходили.

Я не удивилась, что она слышала о Моргане. В конце концов, у нее повсюду были глаза.

– Да, мама, – ответила я, с осторожность подбирая слова. – Мы с леди Морганой выпили чай в гостиной. Отлично провели время.

Она впитала эту информацию со спокойным выражением лица и выдавила в чашку лимон.

– От Морганы Тинтагель у тебя только проблемы будут. Все так говорят. – Голос матери звучал резко. – Лучше тебе держаться от нее подальше – мы ведь не хотим, чтобы люди подумали, будто вы с ней похожи?

– Нет, мама, – прошептала я.

Как еще я могла ответить? Конечно, я хотела, чтобы люди думали, будто мы с Морганой похожи. Пусть уж лучше меня боятся, а не обзывают. Но матери говорить об этом не стоило. Она бы предпочла, чтобы на меня и вовсе не обращали внимания.

– Слышала, она всегда была вспыльчивой, даже в детстве, – продолжала она. – Не хочу, чтобы она забивала твою голову своими мыслями.

– Ничего такого она мне и не говорит, – ответила я, хотя тут же поняла, что технически это не так.

Она в самом деле много наговорила за время своего краткого визита, но… сейчас это были мои мысли, а не мысли Морганы. Она просто слегка смахнула с них пыль. Обнажила их.

– Элейн, – произнесла моя мать и опустила чашку на блюдце так, что звон эхом прокатился по нашей просторной комнате, а потом пригвоздила меня взглядом. – Ты не забыла вчера принять свое лекарство?

Я подобрала ответ так, чтобы в нем не было лжи. Почти.

– Не забыла.

Но по взгляду матери я поняла: она видит меня насквозь.

– В самом деле, Элейн? Иногда я думаю, что ты делаешь мне это назло. Я всегда хотела для тебя самого лучшего, а ты пытаешься выбросить свое счастье собственными руками. Мое бедное сердце не выдерживает. – Она театрально прижала к груди свои бледные дрожащие руки, словно готова была выдрать его в доказательство.

– Может… – начала я, а потом потеряла храбрость и прикусила губу… но через мгновение продолжила: – Может, мое счастье выглядит совсем не так, как твое.

Мама молчала и просто смотрела на меня своими бледно-голубыми глазами – так, словно увидела незнакомца. Уголки ее рта поползли вниз, а потом она поджала губы и осуждающе выдохнула.

– Ты – ребенок, Элейн. – Каждое слово резало, как стекло. – Ты еще не познала жизни, что ты можешь знать о счастье? Неужели Моргана нашептывает тебе ложь?

«Нет, – подумала я. – *Много всего, но только не ложь».*

Тем вечером мама проскользнула в мою комнату перед сном. Я даже не слышала ее шагов, просто сидела перед зеркалом и пыталась расчесать непослушные белые локоны, а потом увидела ее в отражении. Она походила на привидение.

Я подпрыгнула от неожиданности, и щетка застряла в особенно болезненном узелке.

– Ой! – Я аккуратно вытащила ее. – Ты меня напугала.

Мама потянулась к щетке, и я отдала ее, не в силах посмотреть в глаза. Если бы я подняла взгляд, мама узнала бы все мои тайны.

– Я беспокоюсь за тебя, Элейн, – произнесла она через мгновение, и по шее побежали мурашки. – Ты странно себя ведешь.

Только сейчас, глядя в отражение, я вдруг поняла, какой старой была моя мать. Сколько всего она повидала? И что являлось ей в видениях? Может, Моргана говорила правду, и моя мать в самом деле не знала об окружающем мире всего… но она наверняка знала куда больше, чем многие из нас.

– Я – все еще я, – заверила ее я. – Просто… я задаюсь вопросами о вещах, о которых прежде не думала.

Мать прищурилась.

– О которых и не стоит думать, – произнесла она, резко и болезненно провела по моим волосам и отложила щетку в сторону. – Тебе пора спать.

Я поднялась из-за туалетного столика и повернулась к кровати – я не могла выдавить из себя улыбку, и что-то похожее на страх забралось мне под кожу. Но это ведь нелепо. С чего бы мне бояться собственную мать?

– Доброй ночи, – прошептала я, стараясь не думать о страхе.

Но она продолжала нависать надо мной и не спешила уходить.

– Не забудь принять свое лекарство. – Мать не спускала с меня глаз. Словно предупреждая.

Я напряглась всем телом – то странное чувство усилилось.

«Беги», – прошептало что-то в моей голове.

– Не забуду, – ответила я, пытаясь унять дрожь.

Мама не двигалась. И я вдруг поняла, что она не тронется с места, пока не увидит все собственными глазами.

Я подошла к полке, стащила с нее бутылочку и откупорила ее, чувствуя на себе мамин взгляд. Я посмотрела ей в глаза и приложила бутылочку к губам. В окружающей нас тишине плеск жидкости прозвучал, словно гром. Я не разомкнула губ и не выпила ни капли.

– Элейн! – Мама одарила меня строгим взглядом, а потом подошла ко мне, взяла в руки зелье и закрыла мне все пути к отступлению. – Пей.

Я закачала головой, попыталась вырваться, но она держала крепко, прижимая горлышко бутылки к моим губам. Мама зажала мне нос, чтобы я не могла вздохнуть, пока не сделаю глоток. Глаза ее казались темными бездушными колодцами. Она вдруг перестала походить на мою мать и превратилась в незнакомку. Голос ее был далеким и грубым, совсем не похожим на тот, который пел мне колыбельные.

Ее слова выжгло в моей памяти – тогда они показались мне странными. В них не было никакого смысла. Иногда я просыпаюсь после ночей, проведенных без сна, и снова слышу их в своей голове. В такие дни они не оставляют до самого вечера.

– *Бойся, бойся прекрасных трех дев. На пальцах их кровь. Не верь…*

Она резко повернула голову, словно кто-то невидимый ударил ее по лицу.

– *Не помогай…*

Голова ее мотнулась в другую сторону. Она сжала челюсть, словно сражалась с рвущимися наружу словами, но они оказались сильнее.

– *Сожжет она мир.*

В словах матери не было смысла, и глаза ее подернулись дымкой… словно она находилась в полусне.

«Вот оно, – подумала я тогда сквозь туман паники. – Вот что я видела во снах».

Утопление, но совсем не такое, как я ожидала. Мне не оставили выбора, я должна была открыть рот. И зелье ворвалось внутрь, но мать не отпустила мой нос.

– Глотай, – произнесла она своим голосом.

Выбора все еще не было. Я сделала глоток, и густая, горькая жидкость скользнула по моему горлу.

Мама тут же смягчилась и разжала пальцы. Провела ими по моей щеке и поправила мои волосы.

– Хорошая девочка. – Она прижалась тонкими губами к моему лбу. – А теперь поспи.

Она чмокнула меня в макушку и оставила наконец меня одну.

Как только дверь за ней закрылась, я подбежала к умывальному корыту и согнулась над ним, пытаясь избавиться от зелья. Я и представить не могла, что когда-нибудь добровольно захочу заболеть, но в тот вечер я все бы за это отдала. Я только начала обретать контроль над собственной жизнью и не собиралась так просто сдаваться. Я несколько раз стукнула себя по животу, надеясь, что это сработает, но почувствовала только боль. Я не сдавалась, но через пару минут меня подвели ноги, и я свалилась на пол и дала волю слезам.

На следующее утро я остро ощутила отсутствие видения. Конечно, прежде я принимала это зелье бесчисленное количество раз и, просыпаясь, понимала, что не видела снов. Иногда мне все еще виделось, как я тону, но я была почти спокойной.

В то утро я ясно почувствовала нехватку видений. Это походило на дырку на месте выпавшего зуба: я не могла не проводить по ней языком. Не могла не думать о том, что увидела бы.

И *что-то* в той пустоте было. Я знала точно. Я чувствовала его отсутствие. Сна, который я не видела, но забыла. И чем сильнее я пыталась его вспомнить, тем дальше он от меня ускользал. Я пролежала в постели около часа, но увидела только незнакомые зелено-золотые глаза, которые смотрели в мои.

Позже я поняла, что это были глаза Ланселота. Когда я впервые увидела его на Авалоне, картинка сложилась.

Иногда я гадаю, что мне приснилось. И снилось ли еще раз? Дева, Мать и Старуха свидетели, у меня было множество видений с Ланселотом. Или то самое видение затерялось во времени? В дни, когда я не нахожу в себе сил на доброту, я убеждаю себя, что оно могло все изменить. Если б только я была умнее, если б у меня хватило сил и решительности победить свою мать.

Я больше никогда ее не видела.

Когда я наконец смогла подняться с постели, я собрала немного вещей – платья и туфли, которые никогда не надену на Авалоне, – и выскользнула из башни, не оглядываясь. Я оставила записку с восемью словами внутри.

« Я люблю тебя, но я больше так не могу. Прости».

Потом я отыскала Моргану, и мы сразу же отправились на Авалон, наплевав на банкет. Мне даже не пришлось ее уговаривать: в конце концов, она получила то, за чем возвращалась в Камелот на самом деле. Меня.

В ночь перед тем, как нам предстояло покинуть Авалон, мне снится мать.

Я сразу же понимаю: это обычный сон. Но не из-за моих особых талантов, а потому, что она сидит у ревущей реки, подставив лицо солнцу, и ее серебряные волосы волнами рассыпаются по плечам. Потому, что она улыбается, и ее щеки краснеют, и она выглядит счастливой и болтает ногами в чистой воде, чуть приподняв платье.

Мы с ней в лесу неподалеку от Шалота: в детстве мы часто устраивали там пикники. До того, как солнце стало слишком опасным для моей матери. До того, как пение птиц стало слишком громким. До того, как все стало для нее *слишком* – каждая капля жизни, – и она перестала выходить из комнаты, даже когда я просила ее поиграть со мной.

– Пойдем, Маленькая Лилия. – Она берет мои руки в свои и усаживает меня рядом.

Руки у нее теплее, чем я помнила. Я тоже приподнимаю свое платье и опускаю ноги в ледяную реку.

– Реки такие забавные, не правда ли? Всегда бегут, но остаются на месте. Полагаю, теперь ты понимаешь это куда лучше.

Ее голос – тоже почти призрак, знакомый и незнакомый одновременно. От его звука у меня перехватывает дыхание. Я никогда не слышала ее такой: будто в любую секунду она готова была рассмеяться.

Это обычный сон, но я не против. Поэтому откидываю голову назад и наслаждаюсь солнцем и теплом сидящего рядом человека, такого реального и надежного. На мгновение я даже забываю о том, что мне стоило бы бояться воды.

Но потом солнце скрывается за облаком, и мир становится серым.

– Грядут перемены, – обращаюсь я к матери, и течение реки усиливается, в ее кристальной чистоте появляются белые барашки.

– Перемены уже здесь, – отвечает она тем тоном, который слишком хорошо мне знаком: в нем полно предзнаменований и предупреждений.

Он осуждающий, полный ужаса и горечи. Голос матери, которую я помню. Голос, от которого по коже пробегают мурашки. Я снова чувствую себя ребенком, разочаровавшим мать навсегда.

Она поднимается на ноги и помогает встать и мне. Я вдруг с удивлением понимаю, что теперь выше нее. Когда это случилось? Я ведь еще ребенок, который держится за ее юбки.

Мама проводит рукой по моей щеке – пальцы ее холодны.

– Интересно, что останется от тебя, – задумчиво протягивает она. – Когда все те, кого ты любишь, отломят от тебя по кусочку?

Я отшатываюсь от нее, но она этого словно не замечает. Она снова смотрит на реку, которая бушует, будто море в бурю: вода в ней темная, как ночное небо, и пены становится еще больше.

Она берет меня за руку, и на этот раз она ледяная. Плоть ее начинает исчезать – сначала остается только кожа и кости, а потом лишь кости.

– Все происходит здесь и сейчас, Лилия, – говорит она. – Ты должна выбрать свой путь.

Она хрипит то же пророчество, которое уже сообщила мне тогда, много ночей назад, но теперь я слышу его до конца. И теперь я понимаю каждое ужасное слово.

Бойся, бойся прекрасных трех дев.
На пальцах их кровь, а в воздухе – гнев.
Не помогай той, кого все обвинят:
Сожжет она мир, пеплом будет объят.
Не верь той, с короной златой на челе:
Не протянет руки, заберет все себе.
И моя Дева Лилия заплачет, как тьма:
Она сломит обеих и погибнет сама.

А потом моя мама рассыпается в прах, и прошлое становится будущим, в котором я тону. Вода польется в горло и легкие, и какая-то часть меня захочет побороться за жизнь, но другая не станет этого делать. Я подниму взгляд на луну, которую будет видно сквозь поверхность озера, – она будет моим маяком, но я не отвечу на ее зов.

10

Когда я стояла на берегах Камелота в прошлый раз, я была напуганной тринадцатилетней девочкой, убегавшей от жизни в тени и одиночестве. Я помню, как буря раскидывала по небу золотые плети, как ветер путался волосах, как от него пахло медом и древесным углем. Я помню руку Морганы в своей, теплую и заземляющую, – она тащила меня вперед, к лодке, к Авалону, подальше от моей матери, которая скорее убила бы меня, чем отпустила на волю.

Сбегая, я и не думала, что когда-нибудь вернусь. И вот как все складывается.

На фоне бледного рассвета башни Камелота выглядят потрясающе – тонкие и изящные, словно их спряли из нитей сахара. Но на самом деле в замке нет ничего прекрасного, и десяти лет, проведенных вдали, недостаточно, чтобы об этом позабыть.

Моргана появляется рядом со мной, словно тень, и берет мою руку в свою – совсем как много лет назад, когда мы были детьми. Это меня успокаивает. Привязывает к настоящему.

Я все еще чувствую расходящиеся от Морганы волны обиды, и она продолжает оглядываться на берег, словно ждет, когда там появится Нимуэ и сообщит, что передумала.

– Мы нужны Артуру, – напоминаю я ей и возвращаю ее внимание на себя и Камелот.

Я не впервые говорю ей это, но она все равно закатывает глаза.

И я могу понять ее раздражение: наверное, сложно быть старшей сестрой Артура, подстраиваться под его величие, ставить его нужды выше своих… но она всегда делала это, не колеблясь. Однако она едва ли могла предположить, что однажды ей придется оставить ради него Авалон.

Он стал домом всем нам. Но для Морганы он был сердцем.

Она поворачивается ко мне – в утреннем свете ее фиолетовые глаза кажутся серыми.

– Теперь все будет иначе, не так, как прежде, – произносит она. – Ты ведь тоже изменилась.

Может, легкость, с которой Моргана меня читает, должна удивлять. Она словно узнает мои мысли еще до того, как я успею их подумать. Даже тогда, в нашу первую встречу, она понимала меня лучше других. Словно мы были двумя сторонами одной монеты.

– Знаю, – отвечаю я.

Но сколько в этом правды? Какая-то часть меня ждет, что, едва переступив порог замка, я превращусь в ту самую испуганную девочку, которая не знала, кто она, и не умела за себя постоять.

– Если вы там закончили шушукаться, – кричит нам Ланселот, – Гвен разобралась с лошадьми!

Остальные обрадовались, когда я сообщила им, что Ланселот отправится с нами. У меня тоже камень с души упал, хотя у меня-то как раз было множество причин для грусти. И Нимуэ… когда он появился на пристани с сумкой и мечом, она не удивилась.

Я сжимаю руку Морганы, а потом отпускаю ее и поворачиваюсь к берегу, где у воды нас ждут пять лошадей, Ланселот, Гвиневра и Артур. На копытах все еще виднеется морская пена: она постепенно превращается в белые отметины на черной блестящей шкуре.

Интересно, чем они были раньше? Их породила вода или их слепили из нее самой? Лошади бьют копытами и нетерпеливо качают головами – куда более живые, чем любые кони,

виденные мною прежде. Но магия всегда вводит в заблуждение. Я не понимаю силу Гвен, все эти природные манипуляции, так же, как и она не может постичь суть моих видений.

Гвиневра опускает руки и улыбается, довольная проделанной работой. В ее рыжих волосах путается ветер, и у меня обрывается сердце: когда она присоединится ко двору в качестве нареченной Артура, ей придется заплетать их и укрывать шиньонами. В Камелоте только детям позволено носить волосы так, как она.

– И они домчат нас до замка? – Артур хмурит брови, оглядывая ближайшую к нему лошадь, протягивает руку, чтобы дотронуться до ее бока… и удивляется, когда существо не рассыпается под его пальцами.

Гвен кидает на него сердитый взгляд.

– *И* довезут меня до Лионесса, а потом *обратно* до того, как магия исчезнет, – утверждает она. – Я знаю, что делаю, Артур.

В голосе ее полно раздражения, а щеки алеют, но всего на мгновение. Мы знаем, что такова уж Гвен: быстро разгорается и так же быстро потухает. Вскоре она даже не вспомнит об этом. Нимуэ всегда сравнивала Гвен с кошкой: она может замурлыкать и приласкаться, а может зашипеть и оцарапать. Правда, Нимуэ никогда не уточняла, какой именно кошкой: домашней или тигрицей. Полагаю, и той, и той.

– Тебе не стоит ехать одной, – говорит Артур, но Гвен только смеется.

– Почему же? Лошадь знает дорогу, а тебе нужно погреть трон.

Он готов с ней поспорить, но решает этого не делать: качает головой и отпускает тему. Мы все сейчас немного на грани, не только Гвен. Мы отправляемся в неизвестность, потеряв единственный дом, который знали.

Ланселот, словно услышав мои мысли, оборачивается на горизонт. Отсюда видны только озеро и утренний туман, танцующий над его поверхностью, – но где-то вдалеке скрыт Авалон. Там осталась его мать, там он родился, и там он прожил всю свою жизнь. Там ждет Нимуэ, наблюдая за нами издалека. За шахматными фигурками, которые расставляла столько лет.

– Не будем терять время, – отрезает Ланселот и кладет руку на плечо Артура. – Гвен права – Артуру нужно завоевать трон.

Мне приходится прикусить язык, чтобы не поправить его: мы все сейчас напряжены, все волнуемся, нет смысла спорить друг с другом, когда нас ждут битвы с настоящим врагом при дворе.

Но я все равно не думаю, что Артуру придется так уж сильно сражаться за трон: он единственный наследник, король Камелота по праву. Кто может ему противостоять? Но вот удержать его при дворе будет отдельной задачей.

Мы седлаем лошадей и отправляемся в сторону замка. Я не могу оторвать взгляда от его изящных шпилей.

«Ты изменилась», – сказала Моргана.

Я знаю, что это правда, но я также знаю, что в этих стенах меня ждут призраки. И девочка, которой я была, – лишь один из них.

Мы доезжаем до развилки и останавливаемся, чтобы попрощаться с Гвен: сползаем с лошадей, которые все еще нетерпеливо бьют копытами и ржут, желая продолжать путь.

Артур говорит с ней первым, и мы отводим глаза, пытаясь подарить им чуточку уединения. Не думаю, что у нас это хорошо получается. Впрочем, когда они сошлись, то не особо это скрывали: мы присутствовали при их первом поцелуе и во время их первой ссоры. К тому же

королевские обязанности отнимут у них много времени, и на личное останется мало. Может, им пора к этому привыкать.

Потом Гвен обнимает Ланселота и Моргану, целует их щеки и бормочет слова, которые я не слышу. Они смеются. Моргана, кажется, быстро стирает с лица слезинку. Им с Гвен сложно общаться, но последняя была для Морганы сестрой, в отличие от Моргаузы.

Наступает и моя очередь. Гвен обнимает меня, и я вспоминаю слова матери.

«Не верь той, с короной златой на челе: не протянет руки, заберет все себе».

Я дрожу. Эти слова – определенно о Гвен. Я знаю это так же ясно, как то, что вторая девушка из пророчества – Моргана. В будущем наши судьбы переплетаются, но мы еще до него не добрались. И, несмотря на слова моей матери, пророчества могут изменяться. И это тоже должно.

– Береги Артура, – просит Гвен и отстраняется, обхватив своими усыпанными веснушками руками мои плечи.

В ее обычно горящих огнем зеленых глазах я вижу тень страха. Она прикусывает губу.

– Прошу тебя, – добавляет она.

– Конечно, – заверяю ее я. – Конечно, я за ним присмотрю.

– Они попытаются разорвать его на куски, – произносит она. – Он к этому не готов.

Иногда я забываю, что Гвен прибыла на Авалон всего за год до меня и помнит порядки Альбиона лучше Артура и Морганы. Она помнит жизнь при дворе и политику рядом с троном. Она помнит эти игры.

– Знаю, – отвечаю я. – И ты скоро вернешься к нам, Гвен. Ты должна быть рядом с ним.

Гвен кивает, но отводит взгляд. Всего на секунду – я почти это упускаю. Упустила бы, если бы не знала, чего ожидать.

– Эй. – Я привлекаю ее внимание. – Мы нужны Артуру.

Эти слова знакомы ей так же, как и Моргане: Нимуэ повторяла их день за днем, пока они не стали важной частью наших жизней.

Мы нужны Артуру. Мы нужны Артуру. Мы нужны Артуру. В конце концов, его ждет великая судьба.

Я ясно увидела тень горечи во взгляде Гвен и ощутила ее эхо в своей душе. Но и об этом я тоже стараюсь не думать.

– Скоро увидимся, – говорю я.

Она еще раз обнимает меня, а потом делает шаг назад и забирается на лошадь. Мы провожаем ее взглядами, и когда она исчезает в конце тропы, мы наконец тоже продолжаем путь в Камелот.

На Авалоне Гвен спала редко: она бродила по острову следом за луной, путешествующей по небу. И отсутствие отдыха никак не сказывалось на ее здоровье: глаза ее всегда сияли – и никаких синяков под ними (у меня же такие появлялись частенько). Такой уж она была.

Однажды вечером я запуталась в паутине видения и вышла из Пещер Пророчеств сильно после ужина: огромная серебряная половинка луны уже поднялась высоко, и ее окружало столько звезд, что казалось, будто их больше, чем тьмы вокруг. Желудок бурчал, и я скрестила на животе руки: поесть я могла только за завтраком. Не помню, какое именно видение меня задержало – наверняка одно из плохих, после которых и так кусок в горло не лез.

Я осознала, что следовало быть осторожней, только когда углубилась в лес. Да, я жила на Авалоне уже больше года и места эти мне были знакомы, но в темноте они казались чересчур странными и опасными. Остров спал, но лес был на страже.

По кронам деревьев пробежался ветер. Стрекотали насекомые. Где-то рядом шумела река. Но больше всего меня беспокоила тишина, потому что она была *слишком тихой.* От нее волосы вставали дыбом.

Вдруг неподалеку, меж деревьев, засветилась золотистая сфера. Я сделала шаг в ее сторону, потом еще один… и наконец увидела рыже-золотистые волосы, редкость даже среди фейри.

– Гвен? – позвала я.

Сфера замерла, и Гвен повернулась ко мне: на ней была белая ночнушка до колен. Сферу она держала в ладонях. Волосы она забрала наверх, но в спешке: пряди выбивались из прически под странными углами.

– Элейн. – Она устало улыбнулась. – Что, во имя Девы, Матери и Старухи, ты здесь забыла в такой час?

Меня окатило волной раздражения. Разве никто не заметил, что я пропустила ужин? Совсем никто? Даже спустя год мне иногда казалось, будто я никогда не вольюсь в их компанию и останусь чужаком и незнакомкой.

– Засиделась в Пещере Пророчеств, – объяснила я. – Потеряла счет времени.

Гвен покачала головой.

– Мы так и подумали. Хотели сходить за тобой, но Нимуэ сказала, что лучше тебя не отвлекать.

Это меня слегка успокоило. Я не знала, куда Гвен направлялась, но пошла следом за ней.

– А ты? – спросила я. – Очередная бессонная ночь?

Лицо Гвен подернулось тенью, но она лишь пожала плечами.

– Не такая уж и плохая. Но уснуть я так и не смогла, если ты об этом.

– Может, кто-нибудь из фейри сможет приготовить для тебя зелье. Даже в Альбионе есть сно-творное.

Она покачала головой.

– Они могли бы. Но зелье либо не сработает вовсе, либо сработает даже слишком хорошо. Если я приму снотворное, то проснусь лишь через три дня, не помня о том, что произошло, хотя все будут убеждать меня, будто я выглядела бодрой и вела себя обычно. Страшно даже подумать, как твое тело работает без участия рассудка. Такого я не хочу. Лучше уже не спать, поэтому я перестала их принимать.

Я вспомнила о лекарстве моей матери: оно действовало иначе, но, по сути, было тем же самым. Эти зелья отнимали у нас что-то и – под видом исцеления.

– К тому же мне нравится проводить здесь ночи, – продолжила Гвен. – Есть что-то особенное в том, что ты не спишь, когда все вокруг погружено в сон.

– Не думала, что тебя так волнует спокойствие, – произнесла я, и Гвен рассмеялась.

– Нет, в большинстве случаев так и есть, – призналась она смущенно. – Я люблю наш большой шумный мир. Люблю, когда не слышу собственных мыслей. Обычно. К тому же мои мысли не такие уж и интересные.

Мои мысли долгое время я могла назвать единственным, что у меня было вообще. Я и не думала никогда их заглушать.

– Я так не считаю, – сказала я ей.

– Может, для тебя так и есть, – засмеялась она. – У вас с Артуром мысли наверняка интересные. Сколько разветвлений, сколько вероятностей! Вы можете часами говорить сами с собой. Но для меня все не так. Мысли, что ко мне приходят, тут же рвутся наружу, и я не успеваю к ним привязаться. Поэтому Артур будет куда лучшим королем, чем я – королевой.

Я покачала головой.

– Не шути так, Гвен.

Гвиневра подняла на меня серьезный взгляд.

– Все так говорят… Артур уравновешенный, он стратег и дипломат. Таким и должен быть правитель Альбиона.

– А Лионесса? – спросила я.

Она нахмурилась.

– В Лионессе ценят силу. Силу, чтобы захватить трон, силу, чтобы его удержать. Наши королевские династии работают совсем не так, как в других землях. Власть частенько переходит из рук в руки… мой отец правит дольше остальных королей, а он ведь на троне всего два десятилетия. В Лионессе конфликты разрешают не с помощью вежливых разговоров и дипломатии – на все отвечают кровью. Каким бы прекрасным королем ни стал Артур, в Лионессе он не продержится и недели.

С этим я не могла не согласиться, но моим первым порывом было защитить Артура. Тогда все мы знали, что ему нравилась Гвен, но думали, будто чувства эти односторонни. Он так сильно хотел впечатлить ее… если б он услышал ее слова, это разбило бы ему сердце.

– Но Артур храбрый, – сказала я.

Гвиневра посмотрела на меня так, словно мои волосы вдруг приобрели яркий зеленый оттенок.

– Конечно, храбрый, – согласилась она. – Он говорит, что думает, и придерживается своих решений. Это та храбрость, которая нужна монарху, – неважно, как именно он управляет. Но он смел и в другом смысле тоже… эта смелость переплетается с его гордыней и резким нравом, присущим всем мальчишкам. А для того, чтобы управлять Лионессом, нужно быть бесстрашным.

Я всегда думала, что храбрость и бесстрашие были синонимами, но, когда я сказала об этом Гвен, она засмеялась.

– Кто-то может быть храбрым, но все равно бояться. Бесстрашие же – совсем другой зверь. Артур никогда не сможет таким стать. Мудрецы знают, что в этом мире много опасностей; это глупцы утверждают, будто их ничто не пугает, но они просто не могут разглядеть того, чего стоило бы бояться, пока не станет слишком поздно. Ты ведь не бесстрашна, а, Элейн?

Это прозвучало словно вызов, хотя я и не знала, как тут лучше было ответить.

Я покачала головой.

– Вовсе нет. Я боюсь многих вещей.

– Потому что вы с Артуром похожи, – произнесла Гвен. – Мудрые и храбрые, да, но никогда – бесстрашные.

Кажется, никто прежде не называл меня храброй, и сначала я хотела возразить. В конце концов, я не такая. Чаще всего я чувствовала себя испуганной девочкой из Камелота, которая прячется в тени и не поднимает головы. Но даже в то время я нашла в себе силы уйти, хотя остаться было бы проще, мучиться в тишине было бы проще. Может, это тоже представляло из себя своего рода храбрость.

Но Гвен была права: мне никогда не стать бесстрашной. Не думаю, что в мире был хоть один бесстрашный провидец.

Мы прошли мимо ряда величественных дубов, нас встретил морской бриз и запах соли и спокойствия. Яркая луна освещала зазубренные скалы у пляжа. Сначала мне показалось, что это те самые скалы из моего видения, но нет – эти были ниже и уже. Наверное, Гвен частенько сюда приходила: она уверенно подошла к краю, присела и свесила ноги в пустоту. Она схлопнула ладони, и сфера погасла – света луны и так хватало.

Я остановилась за ее плечом, но даже так мне казалось, что я слишком близко к краю. Хотелось отойти подальше, но я уговорила себя держаться.

– А ты бесстрашная? – спросила я, хотя, глядя на то, как Гвен сидит на краю скалы, словно в этом нет ничего необычного, могла бы и сама догадаться.

Ее губы растянулись в улыбке, а в глазах блеснул коварный огонек.

– О да, – ответила она. – Я буду бесстрашным глупцом до самого последнего вздоха. Этого уже не изменить.

11

В Камелоте тихо.

В моих воспоминаниях все иначе: Камелот постоянно шумит, торговцы расхваливают свой товар, на улицах играют дети, отовсюду пахнет жареным мясом и картошкой. Но сейчас на улицах нет никого, а воздух недвижим. Это город-призрак.

Когда мы приближаемся к замку, навстречу нам выходит человек в грязном сером плаще, сгорбленный, с клюкой в руке.

– Сэр, – обращается к нему Артур, останавливая лошадь, и мужчина резко и удивленно поднимает голову.

– Что вы здесь делаете? – охает он.

Артур оглядывается на нас, а потом пожимает плечами.

– Мы ищем волшебника Мерлина. Не знаете, где он может быть?

Мужчина не отрывает от Артура взгляда, а потом начинает смеяться так сильно, что все его тело сотрясается.

– Мерлин? – повторяет он. – Вы ищете Мерлина?

– А вы его знаете? – с надеждой спрашиваю я.

– Ага, – выдавливает мужчина сквозь смех. – И короля Утера тоже. Мы тут все дружили.

Артур привык к прямым ответам фейри и потому не понимает сарказма. Я качаю головой.

– Он не поможет нам, – объясняю я. – Пойдемте, кто-нибудь в замке должен…

– Постойте, мисс, – вклинивается вдруг мужчина, выпрямляется и перестает смеяться. – Я не знаю Мерлина лично, но, так уж вышло, знаю, где его отыскать.

– И где же? – спрашивает Моргана.

Мужчина обводит рукой пустой город.

– Там же, где и всех остальных – на коронации нового короля, прямо в тронном зале. Я бы тоже пошел, но на что там смотреть… если видел одну из них, считай, видел их все.

– Коронация? – обрываю я паникующим голосом. – Но это невозможно! Чья коронация?

Мужчина приподнимает свои кустистые брови.

– Ну как же, наследного принца, – он говорит медленно, как с безумцами. – Принца Мордреда.

Для других это всего лишь имя – Нимуэ упоминала о нем как о брате-бастарде Артура и новом муже Моргаузы. Но мне знакомо еще и лицо. Оно являлось мне в видениях и на моих гобеленах, прежде чем я их распускала – словно этого было достаточно, чтобы стереть все его деяния, все его бесчисленные предательства. Я виделась с ним лично лишь раз, но и этого хватило.

Я упираю пятки в бока своей лошади и пришпориваю ее, торопясь во дворец.

– Вперед! – кричу я через плечо. – Нельзя терять время!

Из-за Мордреда погибнет Артур.

По крайней мере, именно он нанесет последний удар.

На самом деле все начнется в тот миг, когда Моргана предаст Артура. Или, если уж называть вещи своими именами, в ту секунду, когда *он* предаст ее. Когда Гвен и Ланселот отвернутся, умрет еще одна его часть. И в битву устремится пустая оболочка.

Все закончится на поле битвы, в гуще людских теней. Тысячи криков наполнят воздух, но голос Артура к ним не присоединится. Он не начнет плакать или просить о пощаде. Он посмотрит на Мордреда, и взгляд его, будто лишенный эмоций, наполнится решимостью – словно он может победить его прямо так. Но еще в глазах Артура мелькнет вызов.

«Закончи это», – скажет этот взгляд. Это тоже своего рода мольба, ведь Артур знает – ему не выиграть. Он почувствует приближение смерти, и это будет для него милостью.

Артур пожалеет лишь о том, что гибнет в одиночестве.

Даже сквозь шум битвы я слышу, с каким звуком войдет клинок Мордреда в тело Артура. Такое чувство, что он пронзил и меня.

Глаза Артура будут искать в окружающем его аду знакомое лицо, но никого не увидят.

«Я здесь, – хочу сказать ему я. – *Я с тобой. Ты не один».*

Но меня нет там, рядом с ним. И он сделает свой последний вздох в одиночестве, с непроизнесенным именем на губах.

В тронном зале полно народа: все хотят посмотреть на человека, который станет их новым королем – если я ему позволю. Позади сгрудились самые бедные жители Камелота, разодетые в свои лучшие наряды, пусть даже простые и заношенные. Толпа здесь такая плотная, что нам никак сквозь нее не пробиться.

– Моргана! – Я хватаю ее за руку. – Используй заклинание… расчисти нам путь.

Повторять дважды не приходится: воздух вокруг нас полнится ароматами жасмина и апельсинов и начинает двигаться.

И люди отходят в сторону – ненамного, но достаточно, чтобы перед нами открылась тропа.

– Ланс, иди вперед и кричи как можно громче, – приказываю я ему.

Сердце бьется где-то в ушах, кровь ревет так, словно я пробежала много километров. Каждый нерв поет, и это ужасное чувство, в котором я могла бы утонуть. Двигаться к цели – опьяняющее занятие.

– Они послушают тебя. Объяви, что Артур здесь. Представь его им.

Ланселот выглядит неуверенным, но кивает и протискивается сквозь толпу: он возвышается над большинством людей и выглядит внушительно. Артур следует за ним, мы с Морганой – после.

– Дорогу Артуру Вендрагону! – кричит он. – Настоящему наследнику камелотского трона!

– Пендрагон, – шепчу я. – Он Пендрагон.

– Точно, – исправляется Ланселот. – Артур Пендрагон, наследник трона! Пропустите, пожалуйста. Дорогу королю, прошу и спасибо.

Уверена, его мать могла бы гордиться его манерами, но здесь они никого не впечатлят.

– Громче, – советую я. – Более командным голосом. Ты их не спрашиваешь, ты им сообщаешь.

Ланселот качает головой, но подчиняется, и его голос раздается по всему тронному залу:

– Дорогу королю, Артуру Пендрагону! – кричит он. – Дорогу королю!

Наконец мы проходим сквозь простой люд и оказываемся в самом тронном зале, где не так много народа и довольно просторно. Все присутствующие здесь одеты в сложные парчовые наряды, усыпанные драгоценными камнями, жемчугом, кристальными цветами, волосы их уложены в косы, завитки и напудрены. Один из здешних шелковых башмачков стоит столько же, сколько годовой рацион крестьянской семьи.

Простые жители смотрели на нас с опаской, а здешний народ – с недоверием и злобой. Моргане приходится усилить заклинание, чтобы они отошли с дороги, хотя тут места для нашей процессии и так предостаточно.

Мы наконец оказываемся у золотого трона, на котором сидит молодой мужчина с темными волосами и загнутым носом; рядом с ним стоит седой человек с резкими чертами лица, пальцы его усыпаны золотом и серебром. Он держит корону прямо над головой Мордреда: тот на десять лет старше мальчишки, с которым я тогда столкнулась в коридоре, но еще не совсем похож на того, кто должен убить Артура. Мордред застрял где-то между неугодным бастардом короля и бесстрашным, отчаянным воином.

Что касается седого мужчины… это Мерлин. Я часто видела его при дворе, хотя всегда только издали. Он почему-то выглядит моложе, чем тогда: ему, должно быть, сотни лет, но сейчас не дашь больше сорока.

– Остановитесь! – Артур выходит вперед и вытягивается во весь свой немалый рост – он выше Ланселота, выше любого, кто его окружает.

– Как смеете вы прерывать церемонию таким бесчинным образом? – Взгляд Мордреда метает молнии. – Продолжай, Мерлин.

– Мы пришли с Авалона, – выпадает из моего рта, и я тут же понимаю, что с этого начинать не стоило. Я прочищаю горло и меняю тактику, подняв взгляд на Мерлина. – Не знаю, помните ли вы нас, сэр.

Мерлин замирает, но короны так и не опускает.

– Элейн Астолат, – медленно произносит он, и в его глазах сияют искры: он узнал меня. – Леди Шалот.

При звуке моего имени толпа позади взрывается яростными шепотками: большинство помнит моего отца и братьев, но кто-то ведь должен помнить и меня, и мою мать. Я расправляю плечи и не отрываю от Мерлина взгляда.

– Вы были здесь, сэр, когда Моргана вернулась в замок. – Я указываю туда, где она замерла. – Вы были здесь, когда мы вместе покинули Камелот. Помните ли вы нас?

– Помню, – подтверждает Мерлин, переводя взгляд с меня на Моргану. – Не думал, что увижу вас вновь.

Я достаю из кармана запечатанное письмо и протягиваю ему.

– Нас послала Нимуэ. Вместе с принцем Артуром, законным наследником трона.

– Чушь какая! – Мордред прищуривается. – Принц Артур пропал еще в детстве. Он мертв.

– Возможно, – медленно произносит Мерлин, переводя оценивающий взгляд на Артура.

– Принц Мордред прав, – произносит кто-то позади меня звучным голосом, который эхом отдается в углах зала. – Это мальчишка – кем бы он ни был – ни капли не похож на Утера. Слишком тощий, слишком светлый, чтобы быть его сыном. Они хотят нас запутать, как и все остальные самозванцы, явившиеся сюда после смерти короля.

– Возможно, – повторяет Мерлин, но он кладет корону на пьедестал у трона и подходит ко мне, забирает из моих рук письмо и открывает его.

Как я и подозревала, печать ломается от одного его прикосновения, и заклинание рассеивается в клубах белого дыма. И пока он читает, я достаю перстень-печатку и другое письмо.

– Еще у меня есть кольцо и письмо Утера, которые тот послал Нимуэ, Леди Озера. В этом письме он вверяет ей Артура.

По залу прокатываются новые вспышки протестов.

– Король Утер никогда бы не отдал своего сына фейри! – выкрикивает кто-то.

– Это обман… мальчишка – подменыш! Марионетка фейри! – добавляет какая-то женщина.

– Марионетка не будет сидеть на троне.

– Да здравствует король Мордред!

Крики не умолкают, и вскоре в зале шумит рой голосов. Но Мерлин поднимает руку, и наступает тишина.

– Этот мальчик и в самом деле может быть потерянным принцем, – произносит он тихо, но его слышат все, до самого последнего крестьянина. – А может им и не быть. Это письмо Утера – я видел, как он его писал. Кольцо тоже не подделка, и потому письмо от Леди Озера тоже не фальшивка.

Меня накрывает облегчением, но потом Мерлин продолжает:

– С другой стороны, фейри – известные обманщики. Они могли бы послать и подменыша на место короля.

– Я только и слышу, что кучку «возможно», – цедит Мордред. – Никаких твердых доказательств. Незачем прерывать мою коронацию. Продолжайте.

На какое-то мгновение меня охватывает страх: вдруг Мерлин его послушает? Но тот качает головой.

– Боюсь, это было бы неразумно, принц Мордред, – произносит он низким голосом, и на этот раз он не разносится по всему залу. Думаю, его слышим только мы. – Взойти на трон во времена конфликта – как надеть корону всего на пару мгновений. Мы должны убедиться, что каждое притязание на трон незаконно. Или законно.

Он обращается к Мордреду, но глаза его направлены на Артура, и я понимаю: его слова относятся ко всем нам. Мерлин мог бы объявить Артура королем, но не все это примут, и корона перейдет к нему, но народ не поверит в него, и слухи будут расти и гноиться.

– Предлагаю три испытания, – объявляет Мерлин громче, чтобы слышали все. – Первое – достаточно легкое, и его можно провести прямо здесь. Это проверка королевской крови.

Он поднимает смятое письмо с пятном крови Утера, коричневым от времени.

– Если он и в самом деле сын Утера, простое заклинание сможет это показать.

Он манит Артура на помост, и тот поднимается к нему. Мерлин берет его за руку и достает кинжал, а потом прокалывает его палец. Мерлин прикасается к нему письмом с потемневшим пятном и поднимает бумагу так, чтобы видели все.

– Если они связаны, то пятно станет синим, как королевская кровь.

На мгновение все в комнате застывают, завороженно глядя на письмо. Цвет раскрывается, как чернила в воде: сперва медленно, а потом за секунду.

– Вот, – торжественно объявляет Моргана. – Вот и доказательство. Артур – из Камелота.

Мерлин прочищает горло.

– Это доказывает лишь то, что Артур в самом деле родственник Утера. Но этого недостаточно. Перед смертью Утер назначил Мордреда своим законным сыном и наследником, поэтому быть родственником короля – это только начало. Мордред тоже его сын. Артур должен доказать, что он рассуждает как король и что дух его так же силен. Я же сказал, испытаний будет три.

Три испытания, и одно из них завершилось за секунду.

– Будь их три или сотня, мы все пройдем, – говорю я. – Что дальше? Артур справится со следующим так же легко, как и с предыдущим.

Но Мерлин одаривает меня улыбкой, и я понимаю, что сделала страшную ошибку… правда, пока не знаю какую.

– Трех будет достаточно, но следующее будет, боюсь, куда сложнее.

Он снова поворачивается к толпе.

– Как многие из вас знают, то, что должно было стать величайшим наследием короля Утера, ускользнуло от него. Но его настоящий сын сможет этого достичь.

Толпа улюлюкает – похоже, они поняли, что последует дальше. Вот только я – нет.

Мерлин опускает руку на плечо Артуру.

– Король Утер хотел объединить все королевства Альбиона под одним знаменем. Ему это почти удалось: осталось лишь одно, которое не желает подчиняться.

Картинка сложилась, и я борюсь с улыбкой. Артур переводит на меня непонимающий взгляд.

– Второе испытание – завершение того, чего хотел твой отец. Победа над чудовищами Севера и присоединение Лионесса к Камелоту.

12

Мерлин позволил нам отдохнуть неделю перед путешествием в Лионесс с армией из пятидесяти рыцарей. Когда он назначал правила испытания, я заметила: Мордред тоже улыбается. Он напоминал змею, приготовившуюся к удару. Пятьдесят рыцарей должны будут сделать то, что не удалось сотням, даже тысячам. В его глазах это задание было непосильным.

Это нечестно: Артуру нужно сдвинуть горы, чтобы унаследовать трон, а Мордреду это право досталось просто так. И хотя Артуру суждено править Альбионом, мало кто в это верит. Для большинства здесь он – незнакомец, вылепленный руками врагов. Мордред потратил годы на то, чтобы обрести союзы и умаслить нужных людей. У Артура такого преимущества нет.

Но это неважно, ведь, когда мы с Артуром, Морганой и Ланселотом остаемся одни в детской спальне принца, мы позволяем себе расслабиться и отпраздновать победу. Всего неделя отдыха, но мы могли бы отправиться и завтра, если бы это потребовалось. Вот только это нам не нужно, и рыцари тоже не понадобятся: осталось только отправить письмо Гвен и дождаться их свадьбы. И тогда Лионесс примкнет к Альбиону.

– Так не пойдет, – замечаю я, пока Артур разглядывает комнату, которую совершенно не помнит.

Я думала, он давно из нее вырос, но это не так: его кровать настолько большая, что на ней могла бы уместиться целая семья, и места здесь очень много. В углу расположился большой дубовый шкаф с отделкой из белой кости. Широкие окна смотрят на восток, и света здесь тоже предостаточно. На отполированных мраморных полах лежат алые шерстяные ковры. Единственное, что стоит заменить, это стол и стул, которые слишком малы: если бы Артур попытался сесть, то его коленки достали бы до плеч.

– Это испытание должно показать твой ум, да, но никто не сложит сказаний о том, как ты героически написал письмо. Никто не споет песен о том, как ты смело попросил свою нареченную *спасти* тебя.

– Хотя Гвен и так частенько спасала тебя на Авалоне, – радостно фыркает Моргана со своего места на бархатной кушетке.

– Уверен, мы с ней сравняли счет, – с негодованием бормочет Артур, а потом переводит взгляд на меня. – Говоришь, мы должны устроить шоу? Съездить в Лионесс? Сделать вид, что мы с Гвен не знаем друг друга? Разве это… не нечестно?

Я пожимаю плечами.

– Пусть так, но история из этого получится хорошая. Поверь, это будет куда интереснее правды. Одно лишь то, что ты отправишься в Лионесс, сделает тебя в их глазах храбрецом. Большинство рыцарей не посмели бы.

– Потому что у них есть голова на плечах. – Моргана чуть приподнимается на локтях. – Я знаю, что Гвен любит свой дом, но вы ведь слышали истории… этой страной управляют монстры и дикари. Волки, которые ходят на задних ногах. Дети с клыками, воющие на луну. Я с вами точно не поеду.

– Предпочтешь остаться здесь? – спрашиваю ее я. – Одна, при дворе?

Моргана молчит, а потом закатывает глаза и снова откидывается на мягкую спинку кушетки.

– Хорошо, – отвечает она. – Поеду с вами. Лучше уже встретиться с монстрами, которые знают о том, что они монстры, чем с теми, которые скрываются за масками.

– Можем по дороге заглянуть в Шалот, – предлагает Артур. – На ночь, если твой отец примет нас.

Мой отец. Еще будучи в Камелоте, я не видела его месяцами. Я не жила с ним под одной крышей долгие годы. Он превратился для меня в незнакомца. И братья мои тоже. Они уже в том возрасте, когда люди думают о женитьбе… может, у них уже и дети есть. Я пытаюсь вспомнить их лица, но у меня плохо получается.

– Ты ведь король Камелота и всего Альбиона тоже, – отзываюсь я. – Они почтут за честь принять тебя в своем доме.

Артур, наверняка прочитав то, что я недосказала, между строк, несмело мне улыбается.

– Встреча с ним пойдет тебе на пользу. Я вернулся домой, когда мой отец умер… у меня даже не было шанса его узнать. А твой еще жив.

Я киваю и сосредотачиваюсь на столе и стуле. Не хочу думать об отце. Артур прав, у меня все еще есть шанс узнать его получше, построить между нами мост. Но мысли о нем заставляют меня вспоминать и о матери тоже, а тот мост я сожгла, уничтожив в процессе и ее. Артур не знал своего отца, он скучает по нему абстрактно. Но я знала свою мать, я любила и ненавидела ее, я никогда не смогу ее простить или попросить прощения, которое мне так нужно.

Ланселот молча подходит ко мне: его плечо задевает мое, хотя в комнате полно места, ему не обязательно стоять так близко. Он косится на меня, и я вижу в его глазах вопрос, на который не желаю отвечать.

Через мгновение он откашливается и переводит тему.

– Поверить не могу, что ты был когда-то настолько маленьким, чтобы поместиться на этот стул, Артур, – произносит он с улыбкой. – Нужно их, пожалуй, убрать и найти что-нибудь более подходящее по размеру.

Артур переводит взгляд на книжную полку у шкафа, и его рука ложится на корешок одного из томов.

– Это нам тоже вряд ли пригодится, – вздыхает он. – Едва ли я буду проводить здесь столько времени, чтобы хватило на чтение.

Он смотрит на меня, словно ищет подтверждения своим словам.

– Пожалуй, – соглашаюсь я. – Когда ты пройдешь все испытания Мерлина, еще останутся люди, которым ты придешься не по нраву. Нужно расчистить путь к трону. У Мордреда много союзников… стоит перетянуть их на нашу сторону.

Я замолкаю и провожу рукой по маленькому стулу – его вырезанная из вишни спинка доходит мне бедра.

– К тому же не нужно их заменять. – Мои пальцы скользят по деревянному дракону, который обвивается вокруг того места, где когда-то были плечи Артура. – Можем просто избавиться от них и устроить твой кабинет в другом крыле замка. Зная тебя, не сомневаюсь, что ты будешь проводить там много времени. И остальные будут видеть, как усердно ты трудишься: они наверняка будут к тебе заглядывать, чтобы убедиться в этом.

Артур фыркает и берет с полки тонкую книжицу. Отсюда слишком сложно разобрать, как она называется, но на обложке красуется выцветший от времени лев.

– Я что, танцующий медведь, который исполняет трюки для толпы? – В голосе Артура слышится нотка неподдельной горечи.

– Ты – король, – мягко напоминаю ему я. – Ты будешь принимать решения для своей страны и своих людей, которые, скорее всего, даже не заметят изменений, настолько незначительными они порой будут. И если придется танцевать, стараясь заверить их, что ты работаешь…

– То я буду танцевать, – обреченно заключает он, а затем открывает книжку и пробегает глазами по первой странице. – В детстве я ее очень любил.

– Что это? – спрашивает Ланселот и подходит к Артуру.

Тот качает головой.

– Всю историю не помню… что-то о львенке, который очень хотел быть ягненком.

Мне известна эта история.

– И стал им, – подаю голос я. – Его принимает семья овец, но он взрослеет, не может бороться со своей природой и съедает их.

Моргана садится и приподнимает бровь.

– Но ведь это ужасно, – замечает она, хотя глаза ее сияют.

Я пожимаю плечами.

– Таковы большинство детских историй, насколько я помню. Море косвенных предупреждений и зловещих посланий, спрятанных за говорящими животными.

– Не думаю, что я слышал эту версию. – Артур листает страницы. – Ты права, тут так и написано, но я помню историю, в которой все закончилось не так печально. Кажется, моя мать выдумала для меня сказку с другим концом.

Моргана тут же отводит взгляд.

– Похоже на нее. Она не особо ладила с мрачностью.

За десять лет моего общения с Морганой она говорила о своей матери так мало, что я помню каждый случай. И даже тогда ее слова были недобрыми. Но на этот раз в ее голосе слышится нежность. Наверное, Артур тоже это замечает: он перестает хмуриться и ставит книгу на место, словно призрак матери, которую он почти не помнит, можно так же просто оставить позади.

Но от призраков трудно избавиться. Это я знаю как никто другой. Поэтому выпрямляюсь и одариваю Артура улыбкой.

– Сегодня освойся тут. Ланселот пусть остается с тобой. – Я киваю в его сторону. – Мордред вроде бы доволен таким сложным испытанием Мерлина, но вдруг он решит не полагаться на случай и избавиться от тебя раз и навсегда.

– Думаешь, он правда попытается убить Артура? – удивляется Ланселот.

Моргана смеется.

– Он сам? Да ни в жизнь. Вы его руки видели? Ни одной мозоли. Но я согласна с Элейн: нанять кого-нибудь он всегда может. Если посчитает Артура угрозой, конечно.

Артур и Ланселот переглядываются.

– Поставлю-ка я стражу за дверьми, – покорно сообщает Артур. – Я ведь официально – кровь королевской семьи. Стражи-то мне положены.

Ланселот выглядит оскорбленным.

– Ты что же, думаешь, я не справлюсь с убийцами в одиночку?

Артур пожимает плечами.

– Не во сне же. А ты спишь так крепко, что убийцам нужно будет вогнать в тебя меч, чтобы разбудить.

Даже Ланселот не сдерживает смеха.

– А как же ты? – спрашивает он меня.

Я закусываю губу.

– Проверю семейную башню. Не думаю, что кто-то был там, с тех пор как…

Слова застревают в горле. *С тех пор как умерла моя мать.* Прошло уже три года, и вести наконец добрались до Авалона в ракушках Аретузы, но я до сих пор не произносила этого вслух. Кажется, я даже не верила до конца. Мне нужно было посмотреть на опустевшую башню собственными глазами.

– Я пойду с тобой. – Моргана поднялась с кушетки и расправила шелковую фиолетовую юбку. На ней все еще остаются складки, но Моргане, похоже, все равно.

– Ты не обязана этого делать, – отвечаю я, но она наверняка уловила облегчение в моем голосе, потому что растянула губы в улыбке, взяла меня за руку и сжала ее.

– Конечно, обязана, – произносит она так, словно это само собой разумеется.

Мы выходим в коридор и почти сразу же налетаем на обладательницу знакомого лица. У Морганы такое же лицо, и волосы черные, и нос орлиный, и челюсть квадратная… но в Моргаузе нет ни капли теплоты. Она – отражение Морганы во льду. Когда Моргауза улыбается, улыбка получается острой и насмешливой. Она наверняка практиковалась перед зеркалом до тех пор, пока в ней не осталось ни капли радости.

Мне вдруг снова тринадцать, и я подпрыгиваю от каждого ее слова, словно от ударов. Резкий щипок до крови, толчок в темноте, выдранные волосы. Каждый раз, когда Моргауза задевала меня, в ее холодных глазах зажигался огонек, а губы растягивались в настоящей, пусть и хрупкой улыбке.

Я не сразу поняла, что некоторым людям просто нравится причинять боль, физическую и эмоциональную. И я не встречала никого, кто преуспел бы в этом так, как Моргауза.

Но на этот раз она на меня даже не смотрит: все ее внимание сосредоточено на сестре. И Моргана не спешит капитулировать.

– Привет, Моргауза, – спокойно произносит она.

Моргауза окидывает ее оценивающим взглядом – как генерал, ищущий слабость в стане врага. Проходит вечность, а потом Моргауза берет Моргану за плечи и целует ее в щеки. Вокруг никого нет, но это все равно похоже на представление. Может, она считает меня зрителем, но если так, то она ошибается: я прекрасно вижу, как ее пальцы впиваются в плечи Морганы, наверняка оставляя синяки. Как ее губы даже не касаются щек. И как фальшива и холодна ее улыбка.

– Прошло столько времени, дорогая сестрица, но ты выглядишь… – Моргауза выдерживает паузу и оглядывает Моргану с ног до головы.

Она подмечает дикие, неуложенные волосы, созвездия веснушек на щеках и носу, платье, обнажающее плечи и добрую часть груди, и вытоптанные муслиновые тапочки. Моргауза приподнимает бровь, и улыбка ее становится еще шире.

– Хорошо, – заканчивает она, и в этом безо-бидном слове кроется океан оскорблений.

Моргауза обучена языку двора: она говорит одно, но ее жертва слышит другое. Я так часто была ее целью, что научилась все прекрасно понимать. В отличие от Морганы. Она покинула Камелот совсем юной и оставалась на Авалоне слишком долго. Она видит, что Моргауза ощетинилась зубцами, но не знает, как отбить их так же изящно. Зато она умеет говорить в лоб. Это эффективно, но причиняет больше урона ей самой, чем кому-то еще. Она открывает рот, и я почти вижу жестокие слова, готовые оттуда излиться. Моргауза только этого и ждет, желая рассказать всему двору, какая дикая у нее сестра, и Артур, должно быть, такой же, ведь его растили фейри. Она наверняка использует это, чтобы расколоть броню Артура еще до того, как он сможет пройти испытания Мерлина. И я делаю шаг на линию огня.

– Тебе идет супружество, Моргауза. – Я хищно улыбаюсь. – Должна признаться… не думала, что бастард короля отыщет себе такую высокородную жену, но с твоей стороны было очень благородно предложить свою кандидатуру. Партий получше не представилось?

Я сдвигаю брови в притворном беспокойстве.

Моргауза моргает, не в силах отыскать слов. Мне хочется хорошенько насладиться выражением ее лица, но я продолжаю.

– А это платье… – добавляю я, оглядывая ее темно-зеленое бархатное одеяние с рукавами-трубами и расшитым золотом корсажем.

Она была в нем на коронации своего мужа и наверняка долго подбирала наряд для такого случая. В конце концов, если Мордред станет королем, она воспарит вместе с ним. Ей нужно одеваться как королеве. Это прекрасное платье – других у Моргаузы не бывает, – но тем проще отыскать ее сомнения и надавить.

– Оно, ну… такое *смелое,* не правда ли? – спрашиваю я с улыбкой.

Моргауза смотрит на меня так, словно учуяла какой-то странный запах и теперь не может определить его источник.

– Безумная Элейн. – Голос ее сладок, как сироп. – Я почти тебя не узнала. Неужели ты все еще играешь в тень моей сестры? Хотя чему я удивляюсь? Вы ведь с ней так похожи.

Я отвечаю такой же сахарной улыбкой.

– Ты ведь не Артура ищешь, правда? – Я встаю между ней и дверью его комнаты. – Боюсь, он занят, но если хочешь с ним увидеться, то, уверена, мы сможем найти для тебя подходящее время. Приходи завтра ко мне в башню, посмотрим, что я смогу сделать.

Улыбка сползает с лица Моргаузы, как масло с горячей сковороды.

– Он – мой брат. Почему я не могу увидеть его прямо сейчас?

Я театрально цокаю языком, хотя внутри все ликует. Конечно, я считала ее опасной, но Моргауза, как и Мордред, не будут делать грязную работу сами. И я уверена: при встрече Артур обнимет ее и будет говорить с ней по-доброму. Но я все равно преграждаю ей путь. Есть в этом что-то: обладать силой, которой прежде тебя душили.

– Мне так жаль. Но он и вправду очень занят. И к тому же скорбит. Сегодня никак не получится, но если ты придешь завтра…

– А каким правом обладаешь ты? – прерывает Моргауза меня, и голос ее переходит на октаву выше. – С чего ты не даешь мне пройти к брату?

Я сохраняю спокойствие, хотя мне очень хочется рассмеяться прямо ей в лицо. Зато Моргана не сдерживается, и улыбка ее становится почти злой.

– Дорогая сестрица. – Она берет меня за локоть. – Разве ты не знаешь, с кем говоришь? С леди Элейн Шалот, ближайшим советником Артура. Он безоговорочно доверяет ее суждениям, и если ты попытаешься ее обойти… что ж, я бы не стала этого делать.

Глаза Моргаузы метают молнии. Кажется, она в самом деле планирует обойти меня и прорваться в комнату Артура. Но, сделай она так, история эта разлетится по дворцу, а она не хочет таких слухов. Вместо этого она улыбается, но улыбка эта хрупка, как паутинные трещинки на холодном стекле.

– Что ж, хорошо. – Моргауза склоняет голову, и ее полные ярости глаза останавливаются на мне. – Мы поговорим завтра.

Но, прежде чем уйти, она замирает и окидывает меня взглядом.

– Как радостно видеть тебя снова, Элейн. – Голос ее опять сочится патокой. – Власть тебе не идет, но не волнуйся, надолго она у тебя не задержится. Когда ты окажешься при моем дворе, я прослежу, чтобы к тебе отнеслись по справедливости.

Угроза повисает в воздухе, а Моргауза уходит. И я напоминаю себе, что ее слова пусты. Артур обязательно пройдет все испытания Мерлина. Он обязан. Но ничто не высечено в камне – даже бесчисленные видения, в которых Артур надевает корону. Он может оступиться. И если он оступится, на трон взойдет Мордред. Но, что хуже, Моргауза станет его королевой.

13

Все внутри башни покрыто толстым слоем пыли, и кажется, что она тонет в бледном серебряном свете. Призрак здания, в котором обитает еще парочка призраков. Здесь никого не было с тех пор, как я сбежала: наверное, последним приходил отец, который приехал из Шалота за матерью. Прадед Артура подарил башню моему прадеду, когда замок еще строился, и с тех самых пор там и жила моя семья. Отец и братья могли бы остаться здесь, если бы захотели появиться при дворе, но, кажется, теперь это место их пугает. Слишком много призраков. Я и сама не хочу здесь оставаться.

В башне практически ничего не изменилось: бархатные шторы все еще закрыты, на столе стоит чайный набор, подушки на диване смяты – там часто сидела мама.

Я могу представить ее там и сейчас: в накинутом до горла пледе, критикующей мои наряды, мою прическу, мою фигуру и то, как я стою. Она бы обвинила меня и в том, что я недостаточна высокая для своего возраста. Мои видения обретают форму через ткацкий станок, видения Нимуэ – в гадальной чаше, а видения моей матери превращались в слова, значение которых было туманным. Ни один провидец не похож на другого. Нимуэ объяснила: пройди моя мать обучение, и эти образы не поглотили бы ее без остатка, она смогла бы с ними совладать. Каждый раз, когда матери являлось будущее, оно отнимало у нее часть рассудка. Я поняла это в ту ночь, когда она пыталась напоить меня лекарством: она превратилась в незнакомку с лицом моей матери, и руки ее причиняли боль, а не успокоение.

– *Бойся, бойся прекрасных трех дев,* – бормотала она, когда рука ее сжимала мне горло. – *На пальцах их кровь, а в воздухе – гнев.*

Я касаюсь шеи – у меня вдруг перехватывает дыхание, словно мама дотянулась до меня даже с той стороны.

– Эл, ты в порядке? – вопрос Морганы возвращает меня в настоящее.

Она прогуливается по гостиной, стирая пыль с окон: пальцы ее почти черны от грязи.

– В порядке, – отвечаю я с улыбкой, которая никого не обманет.

– Тебе бы сюда служанку, – произносит Моргана. – Но лучше тебе здесь вообще одной не оставаться. Слишком большое помещение. И слишком пустое.

– Напрашиваешься ко мне в соседки?

Моргана приподнимает уголки губ.

– Королевское крыло слишком душное. Да и населено в основном дураками с фальшивыми улыбками, которые наверняка буду галдеть о моей скорой кончине. Я предпочитаю разделить с тобой одиночество.

– Пойдут толки.

Ровно то же самое сказала бы и моя мать, будь она здесь. Но я не говорю это с пренебрежением или желая отказать. Я просто озвучиваю факт.

Моргана пожимает плечами.

– Люди всегда говорят. Если б ты жила здесь одна, они бы тоже не умолкали. Им только дай повод.

И с этим я спорить не могу. И потому я киваю, подхожу к раздутому дивану с кучей подушек и одеял, которых матери никогда не хватало. Силуэт ее тела все еще отлично виден,

словно она поднялась всего секунду назад, желая налить себе чашечку чая, и вернется в любой момент и начнет ругать меня за то, что я сутулюсь.

– Новая мебель бы тоже не повредила, – произношу я на удивление ровным голосом. – Всю заменить.

Моргана не возражает, не указывает мне на то, что я делаю из мухи слона. Она просто кивает.

– И как же ты за все это заплатишь… новая мебель, служанки, платья, которые тебе явно понадобятся? Это все не дешево, и пока Артура не коронуют, за советы тебе никто платить не будет.

– У отца есть договоры почти со всеми во дворце. Он не будет против. Если вообще заметит, что я ими воспользуюсь. – У отца всегда было слишком много денег и слишком мало к ним интереса. – Я ему напишу, сообщу, что вернулась и что вскоре загляну в Шалот.

Моргана не сразу реагирует.

– Когда ты его в последний раз видела?

– Лет одиннадцать назад, – отвечаю я.

У меня снова перехватывает дыхание. Одиннадцать лет – долгий срок, почти половина моей жизни. Но в то же время годы эти пролетели как один вдох. Узнает ли меня отец? Узнаю ли я его?

– Напишу ему, как только освоюсь здесь, – объясняю я, хотя уже этого боюсь.

Нет, я люблю отца, конечно, даже несмотря на разделяющее нас расстояние. Я просто не знаю, что скажу ему. Смогу ли вообще починить разрушенный мост.

– Когда Артура коронуют, я попрошу одного из своих братьев приехать ко двору… в этой змеиной яме нам понадобятся любые союзники.

Моргана кивает, переваривая сказанное.

– А они… симпатичные, эти твои братья? – усмехается она.

Я понимаю, что таким образом она пытается смягчить атмосферу, но какая-то ее часть наверняка спрашивает не просто так. Моргана почти не встречала тех, кого не надеялась соблазнить, даже если интереса к ним и не было.

Я смеюсь.

– На это я даже ответить не могу. Но я не удивлюсь, если все они к этому времени уже женаты. Им уже ближе к тридцати.

Моргана кривится

– Женитьба, – презрительно выплевывает она. – Я надеялась избежать этой западни, оставшись на Авалоне.

– Не то чтобы тебя к этому принуждают, – указываю я ей. – Родители тебя выдать замуж уже не смогут, а Артур и не попытается.

– Да, он не настолько глуп. – Моргана качает головой. – А что же насчет тебя? Наверняка за руку королевской советницы готовы побороться многие.

Я отвожу взгляд, надеясь, что она не заметит румянец на моих щеках. Давным-давно в моем будущем были только муж и дети. Даже когда я сама была ребенком, мама постоянно плела интриги, готовясь отправить меня в ловушку. И я искренне думала, словно на большее и не способна.

– Ты преувеличиваешь мою ценность на рынке невест. То, что я приближена к королю, может быть благостью, но я также обладаю силой, которую мужчины Камелота вряд ли найдут привлекательной. И это не говоря о моих видениях… для жены это довольно пугающее качество.

Моргана качает головой и облокачивается на раму, выглядывая в широкое окно. Ее, похоже, совсем не беспокоит, что она собирает платьем пыль.

– А что же Ланселот? – осторожно спрашивает она. – Ты привела его сюда. Могла бы и окольцевать заодно.

Я трясу головой.

– Ланселот приехал сюда не ради меня, а ради Артура, – отвечаю я, хотя тут же вспоминаю о том, о чем Ланселот спрашивал меня на берегу.

«А ты? Тебе я тоже нужен, Шалот?»

– К тому же, – продолжаю я, – Ланселот не создан для моногамии.

– Для двора он тоже не создан, но он все же здесь.

Я сглатываю, но Моргана видит меня насквозь. Она всегда хорошо меня знала.

– Должно быть, для провидца давать обещания особенно тяжело, – шепчет она. – Ты ведь видишь, как все может повернуться, даже если не хочешь этого. Так что же пойдет не так?

Прикусываю губу. Обсуждать видения с другими людьми – опасное занятие. Но эти хотя бы не касаются самой Морганы. И я говорю ей правду.

– Именно то, что ты и представляешь. – Я стараюсь не выдать дрожи в моем голосе. – Я видела его измены, видела, как он бросает меня, видела, как мы перебрасываемся словами, желая друг друга ранить.

– Измены… – Моргана склоняет голову к плечу.

«Не верь той, с короной златой на челе:

Не протянет руки, заберет все себе».

Какая-то часть меня хочет рассказать Моргане и о том, что я видела Ланселота и Гвен. Поведать ей о пророчестве матери, но я молчу. Если я произнесу все это вслух, слова обретут могущество.

– Это ведь Ланселот. – Я качаю головой. – Измены не должны меня удивлять. Ты ведь тоже его знаешь.

– Пару лет назад я бы с тобой согласилась. – Фиолетово-серые глаза Морганы впиваются в меня, к этому я никогда не привыкну. – Но в его жизни уже давно никого не было. Кроме тебя.

И это правда, насколько я знаю. В начале мы обменивались пылкими поцелуями в редкие моменты уединения и не возражали, что для каждого из нас существовал другой человек – не только для него, но и для меня. Мы не садились и не решали встречаться только друг с другом. Так просто случилось… мне никто не приглянулся. И ему, кажется, тоже.

– Я видела, как разобьется мое сердце, – поясняю я как можно проще. – Более того, я видела, как я вся разлечусь на кусочки и как мир расколется вокруг нас.

Моргана улыбается, но глаза ее серьезны.

– Слишком драматично. Эл, сердца разбиваются у всех. И пусть к тебе это пришло в видениях… это вовсе не означает, что ты не сможешь этого избежать. К тому же вряд ли тебе являлись только плохие вещи.

Этого я отрицать не могу, но на фоне хороших видений плохие кажутся еще хуже.

– Хорошо, что Моргауза верна себе и остается такой же мерзкой, – я пытаюсь сменить тему. – Я думала, ты ее ударишь.

– О, я бы и ударила, – смеется Моргана. – Но, должна признаться, мне понравилось выражение ее лица после того, как ты оскорбила ее вкус в платьях. Как ты это сделала? Прозвучало как *комплимент,* но на самом деле им не было.

Я пожимаю плечами.

– Такому легко научиться, когда в тебя кидаются чем-то похожим.

– Но я не хочу этому учиться. Я так скучаю по Авалону… Но однажды мы туда вернемся. Ты сама так сказала.

Я подхожу к окну и смотрю на Камелот: на его высокие стены и выглядывающие из-за них деревья. Где-то там, далеко, в туманах, лежит Авалон, который никогда не изменится. Я чувствую это в своей душе. Тоску по дому.

– Да. – Я вспоминаю о видении на скале, где мы с ней старше, где мы изменились, но все же остались собой. – Однажды мы туда вернемся.

К худу или к добру, мы вернемся.

14

Первые дни при дворе проносятся подобно видению, и каждый вечер я падаю на свою детскую кровать и проваливаюсь в чересчур короткий сон без снов, не прикасаясь к ткацкому станку.

Моргана нанимает новых слуг для готовки и уборки, и они неплохо справляются со своей работой, но я полагаю, их выбрали в основном за то, что они нас не боятся. Слуги кланяются и приседают в реверансах, они называют нас «леди», а еще они не отводят взгляда, отвечают нам и не спешат в тень каждый раз, когда кто-то из нас входит в комнату. Быть может, они приходят домой и рассказывают своим семьям о ведьмах, на которых работают, но если в них и живет страх, они хорошо его прячут. А большего мне и не нужно.

Когда я жила в башне с матерью, ко мне никогда не приходили гости – до Морганы, конечно. Мать тоже людей не принимала, и дом наш стоял пустой – мы превращались в призраков.

Но теперь башня не пустует: с самого утра в ней те, кто жаждет со мной поговорить. А когда я покидаю ее, то возвращаюсь к очереди, растянувшейся на множество ступеней. Я говорю об Артуре за завтраком, и у швеи, и когда прогуливаюсь по саду. Я рассказываю о его жизни, рисую его таким настоящим и приземленным, чтобы в нем перестали видеть самонадеянного мальчишку, появившегося словно бы из воздуха. Я стараюсь превратить Артура хотя бы в подобие живой легенды – потерянного принца, вернувшегося занять принадлежащий ему по праву трон. Я тку историю, в которую хочется верить – и, главное, которую хочется повторять, снова и снова, пока великий миф об Артуре не затмит собой все.

Я не лгу – да и не выходит, в самом деле, – но хорошенько обдумываю, о чем стоит говорить, а о чем лучше молчать. Я знаю, истории начнут меняться, как только покинут пределы моей башни, и потому стараюсь менять их в нашу пользу.

Я рассказываю нортамскому герцогу о храбрости Артура и добавляю, что он сражался с драконом из северных пещер Авалона. Это была яростная битва, в которую Артур вложил все силы. Я упоминаю о памятном шраме на локте Артура – можете сами у него спросить. Герцог зачарованно внемлет каждому моему слову: каким дракон был высоким и гневным, что клыки его были острее кинжалов, а изо рта вырывалось пламя.

И все это – чистая правда. Но вот о чем герцогу знать не стоит: дракон и Артур просто упражнялись. Мирла – так ее звали – не причинила бы Артуру вреда. Как и он ей.

К концу дня история распространилась подобно пожару. Едва сдерживающая восторг дочка графа шепнула мне за ужином о том, что слышала, будто Артур победил целый легион драконов. В одиночку. И из его меча вырывались молнии, а сила его равна силе пятидесяти – нет, *сотни* — мужчин.

На следующее утро я продолжаю свою работу и рассказываю о мудрости Артура. Это утомительно, но вот что удивляет: на встречи с Артуром лорды или графы не приходят одни. Они всегда приводят с собой дочерей – или, в отсутствие оных, племянниц, сестер и внучек. Они молчат, но глаза их прикованы к Артуру, а взгляды их полны голода, уверенности и обещаний.

– Лучше бы они их не приводили, – жалуется Артур в перерыве между встречами. – Мне от этого почти жутко… словно они все ждут от меня того, чего я не могу им дать.

Я отрываю взгляд от куска пергамента с записями, которые вряд ли смогу разобрать потом. Мы сидим в выделенном для Артура кабинете с огромным деревянным столом и полками с книгами – я позаимствовала их из королевской библиотеки. По дальней стене раскинулась карта Альбиона с золочеными надписями – не ради стратегических нужд, а, скорее, для украшения. Авалона на карте, конечно же, нет.

Артур восседает за столом на высоком кожаном стуле, похожем на трон, а я расположилась в кресле рядом, с книгой на коленях – чтобы удобнее было вести записи. По другую сторону от стоит стул, слишком маленький и для меня, и для Артура: кто бы туда ни опустился, рядом с ним он будет выглядеть крошечным. Да и рядом со мной тоже.

– Артур, ты что, в самом деле не понимаешь? – Я не сдерживаю смешка. – Ты ведь знаешь, чего они хотят – тебя. То есть твоей руки. Даже если ты не справишься с заданиями Мерлина, ты все еще сын короля. А Мордред уже женат… так что теперь ты – самый желанный холостяк.

Артур как будто съеживается на своем стуле и склоняет голову, словно в самом деле надеется скрыть, как пылают его щеки.

– Но я не свободен. Я вернусь из Лионесса с Гвен.

– Я это знаю. – Я качаю головой. – Но они-то нет. И так даже лучше. У Мордреда было время их умаслить, у тебя такого преимущества нет. Так что пользуйся этим. Когда ты привезешь в Камелот Гвен, никто не станет возражать, все хотят присоединения Лионесса к Альбиону. Но если у дворцовых семей появится хоть один шанс, пусть и призрачный, с тобой породниться, они охотнее тебя поддержат.

Артур не перестает хмуриться.

– То есть я должен лгать?

– Тебе и не придется, – вздыхаю я. – Ничего не делай. Они верят в то, что ты подыскиваешь себе жену – королеву. Так пусть и дальше верят. Вот и все.

– А, то есть так же, как сделала ты, когда все вдруг начали говорить о том, что я победил целую орду драконов в одиночку? Или о том, что Великая Леди Мудрости спрашивала у меня советов на Авалоне? Она всего-то разок спросила, как пройти в уборную. И я ей подсказал.

– Это ли не совет? – отвечаю я, не поднимая взгляда от своих записей.

Артур не реагирует: смотрит в окно, которое выходит на леса к востоку от замка.

– Я не думал, что все будет… так, – признается он. – То есть я вообще не представлял, как все будет. Я и не думал о возвращении, но если бы и думал, то… представил бы все иначе.

– Как именно?

Он пожимает плечами, и на мгновение мне кажется, что у него нет ответа на этот вопрос. Но Артур продолжает:

– Как в историях. Знаешь, когда принца встречают с распростертыми объятиями, коронуют, и он становится щедрым и великодушным королем, который использует свою власть, чтобы помогать людям.

– В историях всегда все слишком просто, – отвечаю я. – В них власть короля безгранична и его все любят. Истории молчат о том, как король приходит к этой власти и что ему тоже хочется любви. Не рассказывают о том, что всегда найдутся недовольные и что всегда есть охочие до власти люди, которые только и ждут, чтобы отобрать ее. И каждый верит в то, что он – герой собственной истории.

Артур кивает, но взгляд его тяжел.

– Вот бы Гвен была здесь, – произносит он наконец, а потом смотрит на меня и улыбается. – Без обид, без тебя я бы совсем заплутал, и ты одна из моих ближайших друзей. Но…

– Ну да, целовать тебя так, как она, я не могу, – усмехаюсь я.

Он снова краснеет, а потом смеется.

– Разница есть, – бормочет он, и приходит мой черед краснеть.

Наш единственный поцелуй был неловким, рожденным из юношеского любопытства и того факта, что остальные вечно обращались с нами как с неопытными детьми. Он длился всего пару секунд, а потом мы оторвались друг от друга и смеялись, пока не надорвали животы.

Да, первый раз мне даже понравился, но Артур прав: сравниться с поцелуем любимого человека не может ничто. А мы с Артуром никогда не смотрели друг на друга так… иначе все было бы куда проще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.